

Игорь Ассман

Катастрофа

Когда ваш самолет терпит крушение,
и вы оказываетесь в самых настоящих
джунглях...

Игорь Ассман

Катастрофа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22816680

ISBN 9785448371158

Аннотация

Вы никогда не бывали в бразильских джунглях? И Даже не падали туда с самолета? Вы многое потеряли! Все приключения в книге просто невероятны.

Содержание

ЧАСТЬ 1. Неудача	5
Глава 1. Бразилия	5
Глава 2. Самолет	16
Глава 3. Осознание	26
Глава 4. Первое знакомство	35
Глава 8. Решение	47
Глава 5. Явление	58
Глава 6. Племя	69
Глава 7. Выход?	81
Глава 9. Задание	95
Глава 10. Внезапное продолжение	107
Глава 11. результат	117
Глава 12. Временная свобода	129
Глава 14. Знакомство с томом	139
Глава 15. Лиза и Вилл	147
ЧАСТЬ 2. Побег	156
Глава 1. План	156
Глава 2. Важные детали	169
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Катастрофа

Игорь Ассман

© Игорь Ассман, 2017

ISBN 978-5-4483-7115-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. Неудача

Глава 1. Бразилия

Том не раз уже был в Бразилии, но в основном в ее нижней половине. Два раза ему посчастливилось летать в командировку не куда-нибудь, а в само Рио де Жанейро, и даже провести несколько дней на знаменитых пляжах Копа Кабаны и Ипанема. Командировка в Сан Пауло не так его прельстила, это был крупный промышленный город. Естественно, это был южноамериканский город со всеми его колоритами и прелестями, но с Рио его нельзя было сравнить. Два огромных города, и не очень далеко друг от друга, а какая разница!

Был он и в Флорианополисе, и в Порто Алегре, но после Рио они уже не производили какого-то особого яркого впечатления. Да, ему нравилась Бразилия, и в своей коммерческой фирме, где он работал заместителем начальника коммерческого отдела, его считали специалистом по этой стране, и обычно именно его и направляли туда для подписания или новых договоров, или для урегулирования любых проблем по старым. К тому же, он если не в совершенстве, то очень даже неплохо говорил на португальском. Испанский он знал еще лучше, но почему-то руководство фирмы ни ра-

зу не послало его ни в одну испано-язычную страну Южной Америки, а просто прикрепило его к Бразилии, да так прочно, что он не только смирился с этим на свою будущую перспективу, хотя бы лет на пять вперед. Том прочно уверил себя, что лучше Бразилии в Южной Америке нет страны. И где бы он ни был, он старался не замечать недостатков, зато прелести нового, посещенного им города, долго смаковал в своей голове. Кроме того ему очень нравилась пестрота местного населения. Здесь были чисто былые, смешанные, темновато-шоколадные и даже черные люди. Естественно, все белые были эмигрантами, вернее их родители или дедушки и бабушки. Они были из разных стран, в основном из Европы. На этой базе появились смешанные расы, а уж шоколадные или просто черные, по мнению Тома, были предками аборигенов, или рабов, которых сюда завезли столетия назад. Но таких было меньшинство, особенно в той части страны, которую он всегда посещал.

Тому было уже под сорок, вернее тридцать семь, но через пару месяцев ему должен был прибавиться еще годик, и именно поэтому он сам себе установил такой возрастной рубеж: под сорок. Признаки будущей лысины не волновали его, он был реалистом и даже иногда радовался, что смог обогнать своего отца. В тридцать семь у того уже была лысина, а у Тома – только ее признаки. Его родители были живы и здоровы, и Том навещал их раз в год на рождество, летая в Швейцарию, в небольшой и тихий городишко. К со-

жалению, после того как он с отличием окончил Университет и попал в эту фирму, отношения с родителями перешли на второй план. Нет, они не ухудшились, а просто затихли с его стороны. Естественно, были звонки и письма, и он всегда на них отвечал. Но цель найти свое место в жизни, и желательно неплохое, отодвинуло родителей на планку вниз. Беда была еще в том, что он был единственным ребенком в семье, и его родители, особенно мама, ждала внуков. Естественно, для этого первоначально надо было бы создать семью, а с этим у Тома никак не получалось. Да, после Университета прошло уже более десяти лет, и он сам иногда задумывался об этом. Это происходило иногда, тогда, когда он с кем-то встречался, вернее, с очередной симпатичной, а иногда просто красивой девушкой.

Том не считал себя обиженным судьбой. Он был умным, социальным, симпатичным. Плюс, попал сразу после Университета в такую известную фирму, где он работал все это время, и за десять лет достиг должности заместителя, а в будущем он и не сомневался, что станет и начальником отдела, так как Вальтеру, его начальнику оставалось до пенсии всего два года. Другой кандидатуры на его место Том не наблюдал в своем отделе, да и в разговорах начальства он чувствовал, что других планов, кем занять место Вальтера не было и у них. Все шло как нельзя лучше. Да, по работе. Но не в личной жизни.

Здесь у него были серьезные проблемы, и он знал их.

Знал, так как тысячи раз о них думал, так как планировал когда-нибудь измениться, но не сделал ни шагу в этом направлении.

Том считал себя редким типом, ни хорошим, ни плохим, а просто не совсем обычным. Если прикинуть, то с последних лет колледжа до сегодняшнего дня через него прошло более пятидесяти подружек. Был ли он бабником? Наверное. Но он всегда находил себе оправдание. Большинство девушек или женщин сами находили его, сами набивались, а он только выбирал с кем идти, а с кем нет. Да, в редких случаях он мог сам закадрить любую, на это у него была и красота, и обаяние, и что-то еще, что их к нему притягивало. Но делал он это крайне редко. Ему сполна хватало инициативы с их стороны.

Был ли он эгоистом? Наверное, а может быть и точно. Новая девушка притягивала его до их первой совместной постели. А уже через неделю он бросал ее под любым предлогом, даже не задумываясь и абсолютно не жалея. То, что вспыхивало в его сердце при первых встречах, никогда не перерастало в любовь. Именно этим Том всегда оправдывал себя. Он оправдывался еще многим, поэтому все брошенные девушки никогда не легли камнем на его сердце. Он никогда не был ревнив, может потому, что никогда по-настоящему не влюблялся. Но у него была еще одна особенность. После знакомства с очередной красоткой, он разными обходными путями интересовался ее прошлым, а именно почему-то ее

предыдущими интимными связями. В большинстве случаев, его хитро спланированные отвлеченные вопросы приносили положительные плоды и девушка, нехотя, открывалась ему. Иногда, после знакомства он расставлял уши и внедрялся в тот круг, где она училась или проводила время. Он делал это незаметно, втихаря, как бы со стороны и с абсолютно равнодушным видом. Поэтому, результаты не заставляли себя долго ждать.

В любом случае, со сколькими бы парнями у девушки не было связей, она была кончена для Тома. В его представлении она просто отдавалась ему в постели, может лучше, а может и хуже чем кому-либо из ее прошлых парней. Он уже не верил ей, а через неделю-две, все было кончено. Да, он осознавал, что сам никогда не был девственником, а ему бы понравилась именно такая. Но такой он так и не встретил. Эгоист чистой воды, но убрать это из себя он не мог, да и, наверное, не хотел.

Том осознавал, вернее, знал, что это – плохо, что это – нечестно и несправедливо. Будучи в Бразилии он тоже имел несколько связей, но кроме пылкости местных женщин ничего нового для себя не осознал.

Том был умным мужчиной и хорошим аналитиком. И он был честным, вернее он сам так считал. Брошенные им девушки не попадали в рамку его понятий о чести. По-крайней мере, бросал он их, честно, говоря об этом прямо в глаза. Но даже в этих случаях, он хранил свои прошлые связи, вер-

нее репутацию брошенной девушки как свою личную. В отличие от большинства ребят, которые привыкли хвастаться своими амурными победами, он презирал их и никогда этого не делал. Иногда очередная брошенная девушка сходилась с новым парнем, а тот приставал к нему с всякими глупыми расспросами об их отношениях в прошлом. Том всегда врал, и врал твердо. Никаких отношений, тем более интимных не было и в помине. Просто подружились, а потом разошлись.

Да, он прекрасно знал свои недостатки, но отдавал себе отчет и в своих положительных чертах, которые иногда мешали ему, хотя менять их он даже и не думал. Он был чувствителен к чужой беде, чем мог, помогал любому, кто обращался к нему с любой просьбой или проблемой, будь та личного или рабочего характера. И делал он это, не зная почему, осознавая только что таковым было его сердце. Его любили в отделе, он был спокойным и рассудительным, никогда никого не закладывал, а в некоторых случаях даже врал начальству, чтобы просто помочь сослуживцу. Поэтому к нему обращались часто и даже просто по пустякам. Да, он переспал с двумя девушками из своего отдела, но они просто не давали ему прохода. После очередного разрыва, они сначала ненавидели его, а потом постепенно становились друзьями. То, что было когда-то между ними, раскрывали какие-то особые рамки в отношениях. Они знали друг друга не только на работе, но и в постели. А то, что говорится но-

чью в объятиях или просто лежа рядом друг с другом, было зачастую высокой ступенью искренности.

Том курил, мог выпить, не увлекаясь этим, и очень любил кофе. В общем, он считал себя везунчиком. Работа ему нравилась, зарплата его устраивала, и в отношении с девушками проблем не было. Вернее, именно последнее было тем, что и удовлетворяло его физически, но и являлось костью, которая засев в сердце иногда давала о себе знать. Скоро тридцать восемь, потом сорок, сорок пять, и что потом? Одиночество? Он чувствовал, что это – неправильно, несправедливо. Жить с кем-то рядом каждый день, недели или годы не заменят недельные постельные утехы. Пока он еще молод, он так и жил. А что потом? Тот же самый его эгоизм говорил, что когда-то это кончится, и его пока еще хорошее здоровье, и его мужская сила. Кому он будет нужен в сорок пять? А в пятьдесят? Он верил, что родился в этой жизни не только как хорошо отлаженный коммерческий компьютер, чтобы когда-нибудь занять место в кресле директората фирмы. Он родился мужчиной, и это его или чья-то вина, что рядом с ним до сих пор не было женщины, не просто в постели, а его и никого другого спутницы жизни. Но где же такую взять? И почему за всю его жизнь не появилась даже претендентка на это место? Это был единственный вопрос, на который он не мог себе ответить. Ни он, ни его рассудительность, мозг и даже сердце. Ответа просто не было.

Том очнулся от мыслей и посмотрел перед собой. Вернее,

задумавшись, он и так смотрел перед собой, но только сейчас вспомнил, что перед ним стоит чашка кофе, и может быть, оно уже остыло. Сколько времени он думал, размышлял? Он не знал этого.

Кофе было еще теплым, но не горячим. – Минут десять, – подумал он о своем мимолетном затмении и одним глотком опустошил чашку. Оставив на столе купюру, он поднялся и направился к выходу.

Выйдя на улицу, Том зажмурился от яркого солнца, а к телу через одежду пробирался необычный жар. Да, эта командировка уже была необычной. Впервые он попал в свою же Бразилию, только на этот раз в ее северную часть: город Форталеза. Здесь все было по-другому, даже язык чем-то отличался. Было невыносимо жарко, повышенная влажность, и совсем другая Бразилия. Если на юге преобладали белые или мешанные, то здесь – темнокожие и шоколадные. Нет, он никогда не был расистом, даже и не думал об этом. Но цвет населения был уже другим. Все было проще, может беднее, но океан был рядом и таким же теплым и ласковым, даже теплее. Наверное, солнце жарило и его.

Улицы в центре города, где он находился сейчас, были почти безлюдными. У всех был перерыв, только отдельные кафе и киоски продолжали работать при простых вентиляторах, которые не охлаждали, а просто гоняли горячий воздух из угла в угол. Это кафе, откуда он только что вышел, было единственным, или одним из немногих, которые имели кон-

диционеры.

До его гостиницы было рукой подать, но попав в номер, Том первым делом снял прилипшую к телу рубашку и включил кондиционер. Ему платили хорошие командировочные, и он этим пользовался, соблюдая меру. Он никогда не селился в шикарных отелях, но выбирал поскромнее, хотя с полным набором тех же самых услуг и сервиса. В Форталезе он был уже четвертый день, и собирался возвращаться завтра, хотя командировка была на неделю.

Бросившись на кровать, он включил телевизор и просто на него смотрел. Его не волновала ни программа, ни канал. Тому надо было просто дотянуть до шести вечера, чтобы забрать подписанный контракт. Все было уже сделано, просто хозяина фирмы куда-то срочно вызвали, и он уехал. Том был доволен, все, что от него требовалось, он сделал, и даже немного больше, но это всегда было так. К тому же он вернется на два дня раньше, показав, что экономит деньги своей фирмы на командировочных. Мелочи, но вся жизнь из них состоит. Да и что ему делать в этой жаре? Девушки? Да, ему встречались и хорошенькие, но на этот раз он их немного боялся. Эта Бразилия очень сильно отличалась от той, привычной. Может в следующий раз.

Он незаметно задремал под португальскую речь, но уже в шесть вечера был на месте. Забрав подписанный контракт и попрощавшись, он вышел из здания и взял первое такси.

Аэропорт был скромным и полупустым. Прямого самолета

та в его город не было, сюда он прилетел через другой город, Сальвадор, но возвращаться ему захотелось с пересадкой в другой стране, желательно не в Южной Америке. Он подошел к справочному бюро, и симпатичная улыбающаяся и очень приветливая шоколадная девушка набросала на листике бумаги все возможные варианты. Их был пять, то есть выбор был небольшой. Три варианта Том сразу же откинул: в транзитном аэропорту ему пришлось бы ждать конечного рейса более восьми часов. Оставались два, и один из них улетал завтра в десять утра, другой же был вечерним.

Недолго думая, Том купил билет на утренний рейс, и на такси вернулся в гостиницу. Собирать ему было нечего, так, пустяки. Все вошло в один небольшой чемодан. Бумаги он всегда возил с собой в бессменном черном кожаном дипломате и, естественно, никогда не сдавал его в багаж.

Полужинав перед сном в местном ресторане, он вернулся в номер, и, не включая телевизора, разделся и забрался в кровать под простыню. На улице было темно, и жара немного спала, но кондиционер он все же включил.

В семь утра его разбудил телефонный звонок, о чем он попросил еще вчера, и Том уже через полчаса был готов. Рассчитавшись за пребывание в отеле и свои междугородние звонки, он сразу же поймал на улице такси и уже мчался в аэропорт. Людей было гораздо больше, чем вчера, но их контингент, вернее цвет кожи посветлел. Видимо местные жители не так часто пользовались услугами самолетов,

а предпочитали автобусы. У шоколадных пассажиров в зале аэропорта в основном были с собой кейсы, и они явно занимали высокие должности в каких-то фирмах. Остальные светлокожие походили на него самого, командировочного, хотя были и пожилые пары, которые явно путешествовали. Очень похожую картинку он видел во всех своих командировках на юг Бразилии, и Тому стало спокойно и привычно. Понравилась ли ему Форталеза? Да, конечно. Он увидел страну с другой стороны, и эта сторона, как ему казалось, была не меньше той, привычной. Ему всегда нравилось все новое, хотя первый раз получался немного напряженным.

Он увидел, как ожидающие начали подниматься, и только сейчас услышал объявление на посадку. Том никогда не выбирал места в самолете, вид из окна уже не завораживал его как в те первые полеты, а летал он уже лет пятнадцать. Пройдя в салон и ожидая, пока люди в проходе рассядутся, он мысленно вычислял свое место. Странно, самолет был заполнен примерно наполовину, но его место оказалось почти в конце. Тому было все равно, просто это было курьезно, и он даже улыбнулся. Видимо у них была какая-то странная система распределения мест, а может, ее вообще не было.

Глава 2. Самолет

Самолет был средним, и в нем было только два ряда по три места. Когда же все расселись, и началось обычное приветствие со стороны команды, Том понял что все три места, включая и его собственное, принадлежат только ему. – Что же, – подумал он, – и хорошо, и плохо. Поболтать не с кем, но и терпеть неудобного соседа тоже не придется. Он пододвинулся к окну и равнодушно смотрел на последние приготовления. Все было как всегда, но когда самолет взлетел и убрал колеса, он еле заметно вздохнул. Смотреть на город и пригород сверху было интересно, но вскоре их заменил голубовато-серый цвет океана, и Том пересел на среднее место. Потом, как всегда и везде подошла опрятная и уже немолодая стюардесса со столиком с напитками. Том взял банановый сок и попросил кофе.

С момента вылета прошел час, или около того. Сок и кофе были выпиты, и Тому захотелось курить. Это была его беда. Он выкуривал примерно пачку в день, и какие-то три-четыре часа сигареты его не волновали. Но перелеты в Бразилию длились всегда значительно дольше, и под конец полета у него просто заканчивалось терпение. К тому же, его организм уже давно связал кофе с сигаретой, и сейчас он пожалел, что так рано попросил кофе. К туалету, который находился в конце салона, он был ближе всего, и, подняв-

шись, направился туда, скорее всего для того, чтобы отвлечься от мысли о сигарете. Там он сделал свои дела и еще долго разглядывал свое лицо в зеркало, поймав себя на мысли, что больше времени все-таки смотрит на признаки пробивающейся лысины. Наконец с каким-то равнодушием, он поправил галстук и открыл дверь.

Самолет неожиданно качнуло, притом серьезно, и Том чуть не грохнулся на пол, зацепившись рукой за ручку двери. Он выругался про себя, и поплелся к своему месту. Качнуло еще раз, и Том передвинулся к окошку. Под ними был океан, но он скосил взгляд вперед вдоль самолета, пока не увидел турбину двигателя. Смотреть было неудобно, но он все же разглядел необычный шлейф серого цвета, который исходил явно из турбины и быстро рассеивался в воздухе.

Нет, он не испугался, а просто почувствовал себя неудобно. Может так и должно быть?

Но видимо те, кто сидели с его стороны у окошек почувствовали себя по-другому. Начали вызывать обеих стюардесс, задавая один и тот же естественный вопрос. Те мягко улыбались и старались их успокоить. Тому трудно было слышать весь разговор, он улавливал лишь некоторые слова. Неожиданно самолет пошел на резкий поворот налево, и Тому стало немного не по себе. – Разворачивается? – сразу пришла мысль. – Значит, что-то все-таки произошло с двигателем?

Самолет явно развернуло в обратную сторону, или Тому

так показалось. Прильнув к окошку, он увидел уже не серый, а темный дым, вырывающийся из турбины. К тому же, в салоне появился запах горелой пластмассы. Возбуждение пассажиров нарастало, и в какой-то момент он услышал голос одной из стюардессы, говорившей на весь салон через микрофон. Самой ее видно не было.

– Уважаемые пассажиры, прошу вашего внимания. – Голос не был тревожным. – На борту самолета произошли непредвиденные неполадки, и командир экипажа взял на себя решение о возврате в аэропорт Форталезы. По его словам, нет причин волноваться, но ради вашей же безопасности самолет возвращается. Не волнуйтесь, сразу после возвращения вы будете пересажены на другой самолет. Попрошу вас сохранять полное спокойствие и пристегнуть ремни всем без исключения. Экипаж приносит свои извинения за эту непредвиденную задержку.

Том вздохнул. Неполадки могут быть везде, а вот решение командира правильное.

В салоне стоял гул голосов. Нет, никто не впал в истерику, но все обсуждали случившуюся ситуацию, и это было естественно.

Тем временем, едкий запах, как показалось Тому, стал сильнее. Глянув в окно, он увидел уже просто черный дым, валивший из той же злополучной турбины. – Это – не гарь из двигателя, – подумал он, – знакомый запах, когда горит электропроводка, или какие-то синтетические материа-

лы. Значит двигатель – одно, а запах – совсем другое. А все вместе говорит, что дело дрянь.

Самолет тем временем уже шел на снижение, по крайней мере, рябь океана стала более различима. К тому же уже появилась резь в глазах от этого паленого запаха. Том сжал руки. Он понимал, что дело плохо, но надеялся, что самолет дотянет до Форталезы или какого-либо другого аэропорта.

Потом все было как во сне. Дышать стало тяжело, а в окошко Том видел не только рябь, но и волны. Самолет летел прямо над поверхностью океана, метров может на тридцать выше. Стюардессы в спешке раздавали и надували спасательные жилеты на всех пассажирах, начиная с первых рядов. Появился и мужчина из экипажа. Потом все просто полетело перед глазами. Видимо салон разгерметизировали, потому что где-то в его середине тот же мужчина в летной униформе, попросив пассажиров пересесть, явно открыл дверь аварийного выхода, и ворвавшийся воздух просто прижал всех сидевших в хвостовой части самолета к их креслам. По салону полетели разные вещи и бумажки. Том с трудом мог двигаться, но все же переполз к окошку. То, что он увидел, заставило его сердце сжаться. Самолет летел так близко к поверхности океана, что казалось, любая большая волна, поднявшись, смогла бы попасть в салон. Он и не заметил, как пассажиров из носовой части по одному подвели к открытой двери и аккуратно сталкивали. Вернувшись к окошку, Том уже следил, как откуда-то спереди

появлялись и тут же исчезали оранжевые жилеты. Такие же, как и на нем. Турбина уже не коптила, наверное, она просто умерла.

Потом дело стало хуже, сбрасывали пассажиров хвостовой части. Подвести их благополучно к открытой двери, было мягко сказать затруднительно. Странно, но паники не было. Люди были испуганы, но покорны и молчаливы. Том, закрыв глаза, ждал своей очереди, так же покорно, как и все. Нет, у него не возникли мысли о смерти, ведь он видел, что всех спасали и был уверен, что к этому месту океана уже спешат и вертолеты, и корабли.

Неизвестно сколько прошло времени, но он вздрогнул от неожиданного голоса:

– Сэр, ваша очередь, поспешите, вы – последний. – Он открыл глаза и увидел знакомую стюардессу.

– А вы? – почему-то спросил он.

– Весь экипаж остается на месте, до посадки. Мы – тоже.

Она помогала Тому подняться, когда подошел мужчина и с трудом ухватил его за другое плечо. Том видел открытую дверь, а надутый жилет плотно сжимал его торс. Понадобилось меньше минуты, когда он уже оказался почти у двери, но в этот момент самолет резко пошел вверх. Ни одна сила не могла удержать всех троих на ногах, но Том успел заметить каким-то углом зрения явно зеленый цвет за дверью внизу, но никак не голубой. Он больно ушибся головой, наверное, о туалетную дверь, а поверх себя ощутил еще

одно тело. Пока все пришли в себя и расползлись, прошло несколько минут. Все трое, он и мужчина со стюардессой сидели на полу, опираясь о пластиковую стену.

– Мария! – послышался голос с носовой части, и Том узнал его, – все свободны? Можно закрывать дверь? Альберто, вы меня слышите? – Это была вторая стюардесса.

– Закрывай, Элена! – крикнул мужчина.

Почти сразу же порыв ветра исчез, и Том увидел, как пожилая стюардесса возится у аварийной двери. Он и его соседи начали подниматься. Салон проветрился и запах гари хоть и не испарился, но дышать не мешал.

– А это кто? – вдруг испуганно спросила Элена, добравшись до туалетов и упершись в Тома взглядом.

– Не успел, – мрачно сказал Альберто. – Когда он был готов прыгнуть, самолет уже влетел на материк. Что там? Что говорит командир? Как он, и что будет? – Том удивился, что в голосе мужчины не было никакого испуга, только деловитость.

– Самолет почти не управляем, ни налево, ни направо. Только выше или ниже. Командир тянет его где-то посадить, но надо истратить горючее. Ты ведь знаешь, что самолет заправлен на всю катушку. – Ее голос был сух, но страха в нем тоже не было. – А что делать с этим? – Повернулась она к Тому. – По инструкции мы должны спасти его в первую очередь. А уж потом подумаем о нас. – Извините, мистер, – вдруг спохватилась она.

– Пойду в кабину, – мужчина отправился, опираясь на спинки сидений.

– А вы уверены, что сядете? – вдруг спросил Том. Видимо отсутствие страха в голосах экипажа каким-то образом его успокоило.

– Конечно, сядем, – грустно ухмыльнулась женщина, – только неизвестно где, когда и с каким исходом. Это зависит от командира. И как повезет. – Добавила она.

– Мистер! – услышал Том голос Альберто, тот возвращался из кабины. – Вас надо сбросить до того, как командир решится на посадку. Это приказ.

– Как сбросить? – глаза у Тома полезли вверх. – Просто так, взять и сбросить как чемодан?!

– Нет же, мистер. Парашют. Вы когданибудь с ним прыгали?

– Нет, – настроение у Тома упало. – Никогда. Я лучше останусь с вами....

– Идите за мной, я вас экипирую и все объясню. – Его слова не терпели возражений, это был приказ, и Тому стало еще хуже.

– А куда хоть прыгать? – безразлично спросил он.

– Амазонка. Джунгли. Самолет вернулся на континент и идет вовнутрь. – Он развел руками. – Согласен, идея не из лучших, но то, что вы останетесь живы, гарантировано.

– А у вас такой гарантии нет? – Том поднял глаза.

Тот ничего не ответил и, повернувшись, пошел по прохо-

ду. Том покосился сначала на одну, а потом на вторую стюардессу. В их глазах была какая-то грусть, смешанная с надеждой. Но грусть перевешивала, и обе старались потупить взгляд. Том, наконец, все понял и пошел по проходу.

Дверь в кабину была закрыта. В служебном отделении Альберто помог надеть Тому рюкзак, закрепил уйму тесемок, еще раз осмотрел его и вздохнул.

– Понимаю, что значит впервые. Мистер, вам надо только вовремя дернуть за это кольцо. Досчитаете до десяти и дергайте. Вот и вся хитрость. – Он посмотрел Тому в глаза. – У вас в кармане маячок, вас найдут скоро. Командир сам выберет место и отдаст команду, где вас сбросить. Естественно, это не будет река. Наверное, он постарается сделать это и не над лесом, хотя если встретится большая опушка....

– Какая разница, – махнул рукой Том. – Просто я всегда думал, что я – везунчик. А вот сейчас я так не думаю.

– Поверьте, по сравнению с нами вы действительно везунчик. Извините, другим утешить вас я просто не могу. – Он повернулся. – Будьте у аварийной двери, как только поступит приказ, у нас всех будет одна минута, чтобы вас сбросить, не больше.

Том тоже повернулся и пошел по салону. Многие забыли или просто оставили свои вещи. – А как быть с моим дипломатом? – вдруг подумал он. – Может, и вправду быстро найдут? Нет, глупо, надо просто забрать из него все бумаги. Он вернулся к своему сиденью, выпотрошил дипломат, сложил

бумаги в несколько раз и засунул во внутренний карман пиджака. Потом он также спокойно прошел по салону и уселся недалеко от аварийной двери. Чуть позже недалеко от него присели и две стюардессы. Тому хотелось о многом их спросить, но глядя на их потухший молчаливый вид, он не сделал этого. Да, он знал, что выживет, скорее всего, останется жив, а они этого не знали. Но сидели сейчас рядом в полной готовности помочь ему. Его сердце сжалось, эти две стюардессы были настоящими героинями. И у них, наверное, есть семьи.... А у него – не было. Как-то несправедливо все получилось.

– Можно я закурю? – неожиданно спросил он.

Старшая просто махнула рукой.

Том курил сигарету за сигаретой, пока не почувствовал, что тот же запах или дым горелой пластмассы опять не начал щипать глаза. Прошел, наверное, час или больше, но из кабины никто не появлялся.

Том поднялся и направился к туалету. На этот раз его взгляд в зеркало был мимолетен, он как бы просто запомнил свое лицо.

– Сэр, на выход! – услышал Том, как только открыл дверцу. – Альберто уже бежал по салону.

Разум ужаснулся и вмиг отключился, последнее, что он помнил, был легкий толчок в спину, и он обрушился в никуда.

– Раз, два, три.... – Том услышал счетчик, он был явно

установлен в его мозге и отсчитывал свое. На десять, рука Тома сама подобралась к кольцу и дернула его со всей силы.

Потом он летел. Сердце замерло так, что он не ощущал себя ни живым, ни мертвым. Ощущение падения вызывало тошноту. Глянув вниз, он увидел, что спускается как-то наискосок к какой-то одинокой поляне, ярко зеленого цвета. Ее окружал густой лес. А позже, когда ноги коснулись земли и неожиданно стали мокрыми, его все равно куда-то потащило, пока он не стукнулся головой обо что-то твердое и не потерял сознание.

Глава 3. Осознание

Том очнулся, когда было еще светло, но солнце уже приближалось к закату. Инстинктивно он провел рукой по своей голове и нащупал хорошую большую шишку. Только сейчас он понял, что приземлился и удачно. Кроме шишки у него были еще пара мелких царапин и мокрые ноги. Но самое главное, что он был жив. Голова немного кружилась, но он поднялся. То, обо что он ударился головой, была большая высокая пальма, вернее, ее ствол. Она располагалась на самой окраине поляны, а за нею шел густой темный лес, вернее, джунгли. Парашют зацепился за другие деревья, тоже на окраине поляны, и не давал сделать Тому ни шагу. Пришлось попотеть, со всякими завязками и ремешками, но наконец рюкзак был сброшен и валялся на земле. Том стоял в одном костюме и смотрел на зеленую поляну. Он уже почти все понял, кроме одного, почему у него были мокрые носки, туфли и самый низ его брюк. Он осторожно сделал небольшой шаг и сразу почувствовал, что его нога ступила на что-то мягкое, но явно не на землю. Еще шаг, и из ярко-сочной невысокой травы показалась маленькая лужица.

– Болото! – Понял он и глубоко вздохнул. – Значит, я все-таки везунчик! Естественно, мне не повезло с самолетом. Хотя, те, кто выбросился в океан тоже не в полной безопасности. Там же есть акулы и другая ядовитая живность. Я вы-

бросился, как и они, только другим способом. И мне повезло. Командир самолета никак не мог знать, что здесь болото, ведь самой воды не видно. – Он еще раз бросил взгляд на поляну и не заметил даже отблеска воды. – И если бы не парашют, оттянувший меня на край болота, я просто бы уже был там, и, естественно, без дыхания. Я бы мучился, чувствуя, как меня засасывает. . . . Как мне повезло! Один минус и два плюса, результат положительный. Если бы еще и прилетели за мной побыстрее, то все бы кончилось как в сказке.

Том почувствовал, что на сердце у него явно полегчало. Он тут же бросился к рюкзаку и обшарил пару карманов. Единственное, что он нашел, был сложенный перочинный ножик, типа швейцарского со всеми дополнительными функциями, и даже с ножничками. Он, конечно, обрадовался, но продолжал искать. Он хорошо запомнил про маячок, и что по нему его и найдут. Но больше ничего не было. – Может, где-то вшит какой-то микрочип? – Вслух спросил он самого себя, явно утешая. В любом случае, он решил надеть рюкзак обратно, предварительно отрезав стропы парашюта. Это удалось ему без труда, и он поблагодарил человека, положившего в кармашек этот швейцарский ножик. На его лице даже промелькнула улыбка, но тут же исчезла. Он еще раз огляделся и понял, что если за ним прилетит вертолет, а другого он просто ничего не мог представить, то в болото он не сядет. Может ему и удастся поднять его на веревке или складной веревочной лестнице, но это будет просто

каким-то цирковым трюком, ведь сам Том мог находиться только в непосредственной близости от деревьев, окаймляющих поляну. Хотя, если он зайдет в чащу и найдет там чистое место, пусть даже мизерное, веревку он поймает и зацепится.

– Ладно, – сказал он вслух и еще раз обернулся. – Не надо торопить события.

Усевшись под своей высокой пальмой, он нашел пачку с двумя последними сигаретами и вытащил одну. – Дурак, – буркнул он, – мог бы и побереечь. – Зажигалка сработала, и Том втягивал такой желанный и успокоительный табачный дым.

Ему стало намного легче, но голова продолжала упорно работать. Нет, он не был особенным любителем глухой природы, хотя иногда и смотрел кое-какие передачи. Акулы – это конечно опасно, а джунгли? Внезапно он вспомнил одну из передач, где его внимание привлекло лишь название: Десять самых опасных существ, подстерегающих человека в джунглях. И хотя та передача была о нескольких странах Центральной Америки, Том постарался вспомнить все десять, до единой детали. Ядовитые змеи. Крокодилы. Пауки. Лягушки. Муравьи. Малярийные комары. Ягуары. Пирании... Он вспоминал все подряд, но двух последних вспомнить так и не мог. Да и какая разница, – вдруг подумал он, – уже этих более чем достаточно. Нет, наверное, с акулами мне повезло бы больше. Значит, общий результат – нейтральный.

Он пожал плечами и устремил взгляд к заходящему солнцу. Если вертолет прилетит только завтра, значит, ему надо где-то ночевать. Но где? В болоте могут быть крокодилы и водяные змеи. В джунглях – все остальное. Выход? Спать на границе, а еще лучше – не сомкнуть глаз.

Не дожидаясь, пока солнце вообще скроется, Том развел небольшой костер, и поставил рядом сушить обувь, развесив и носки. Естественно, что желудок уже требовал свой обед и ужин. Но найти еду было негде, и с этим надо было просто смириться. Он вытащил и прикурил последнюю сигарету в том момент, когда солнце просто исчезло, и если бы не блеклая луна над поляной, можно было бы выколоть глаза, ведь костер уже затух, хотя туфли подсохли. Том просто лег на землю и прислушивался к необычным звукам, которые доносились со всех сторон. Их было много, и ему стало страшно. Судя по тому фильму о джунглях, ночь в них не лучше дня. Кто-то спит, а другие выходят на охоту именно ночью.

Проснулся он рано утром, так и не вспомнив, в какой именно момент его свалил сон. Но он был жив, и никто его не покусал, кроме пары комаров. Том сразу же откинул мысль, что хоть один из них мог быть малярийным.

Страшно хотелось пить, а желудок уже начало потихоньку сводить. Неожиданно он понял, что сегодняшней день может стать последним в его жизни, и в его теле появилась непонятная мерзкая дрожь. – А если маячок выпал при па-

денин? – спрашивал его разум. – Или его забыли прикрепить? Ведь ты же его не нашел? – Том постарался отогнать эти мысли, но что-то в голове засело. – Если и выронил, – подумал он, – то недалеко от этого места. Они могут прилететь туда, а мне надо подать им знак, где именно я сейчас нахожусь. Единственное, что можно сделать, это костер, и побольше дыма.

Сама эта мысль помогала ему. Тому нечего было делать, а какое-либо занятие могло отвлечь его от жажды. Нужны были дрова и листья. Одни дадут огонь, другие дым. Он поднялся и направился прямо в лес. Но прошел он не более трех метров, как колючие кусты, переплетенные тонкими и крупными лианами, преградили ему путь одной неразрывной стеной. Том попробовал пустить в ход ножик, но через час продвинулся, может на полметра, не больше. Его руки были исколоты и покрыты царапинами.

– Черт! – выругался он вслух. – Туда вообще не пройти. И что же с дровами? – Медленно, но неотступно он начал понимать, в какой капкан он попал. Граница между непроходимым болотом, и таким же непроходимым лесом. Какая разница, если они оба непроходимы? Он вернулся и в изнеможении опустился под своей пальмой. В такой ситуации можно было просто забыть о каких-то десяти опасных существ джунглей. Ситуация могла быть еще опаснее. Если не прилетит вертолет, без воды он умрет медленно и в мучениях. А после укуса какой-то там ядовитой змеи, смерть заберет

его уже через полчаса, и, не приходя в сознание. Что лучше? Он нахмурился.

Очнувшись от раздумий, Том поднялся и осторожно пошел вдоль зеленой поляны. Он сам не знал, что искал, а может, вовсе просто как-то убивал время. Но граница была почти одинаковой везде. Один шаг можно, второй – появляется вода, а третий может быть последним. Внезапно ему пришла в голову мысль, что он что-то пропустил. Он вернулся немного назад, потом еще, и встал как вкопанный у обычной толстой лианы. Обычной была она сама, но не ее расположение. Один ее конец уходил куда-то в болото, второй же – исчезал в лесу за непроходимыми кустами. Но сама лиана была абсолютно ровной, от начала и до конца, и это ему показалось неправдоподобным. Он видел такие же, даже не пройдя вглубь леса, свисающие с деревьев и запутавшиеся в кустах. Они не были прямыми, вот в чем было дело. Эта лиана была странной. Сначала он дошел до кустов, лишь разглядев, что этот конец лианы начинает резко подниматься куда-то вверх, пропадая из вида. Как он не прыгал, куда именно шла лиана он увидеть не смог. Тогда он вернулся к болоту, и легонько потянул лиану за ту часть, которая уходила в болотную траву. Неожиданно, над поверхностью травы, шагах в трех-четырёх, закачалась какая-то неприметная на вид палка, вернее, ее часть, выступавшая из болота. Предполагаемая палка была явно воткнута в землю, вернее, в болото, или его дно. Он дернул еще раз, и конец палки опять покачнулся. Том

бросил лиану и опустился на землю. Все это выглядело, мягко говоря, странным. Лиана каким-то образом привязанная или прицепленная к воткнутой в дно болота палке, и притом абсолютно ровная и очень длинная. Какой-то механизм? Но откуда? Том вернулся к своей пальме и лег рядом. Губы уже начали трескаться, а что же будет к вечеру? И где же этот чертов вертолет? Если он не прилетит сегодня, а только завтра, что он найдет на этой лужайке? Вернее, тот, кого он найдет, будет еще живым???

Том постарался заснуть, чтобы выбросить все мысли из головы. Он был уверен, что шум вертолета его разбудит в любом случае. Но сон не приходил. Вместо него перед глазами появлялся явный стелющийся туман, и открытые глаза постепенно теряли из видимости все окружающее. – Бред какой-то! – испугался он и резко сел.

Он с трудом выдержал полдень, прячась в тени своей пальмы. Но ближе к вечеру он опять поднялся. Его сознание сквозило полным безразличием, и, сделав шаг в болото, он опять побрел вдоль зеленой поляны, но уже по каким-то мягким травяным кочкам. Иногда под ногами показывалась вода, но лишь совсем немного. Том просто смотрел под ноги и брел до тех пор, пока не уткнулся в лиану, ту самую знакомую и странную лиану, уходящую куда-то в болото. Он стоял и тупо на нее смотрел, а потом перевел взгляд, ища глазами палку. Та была на месте, но, не зная, было трудно различить ее между травы, единственный ви-

димый ее конец выступал лишь на несколько сантиметров. Том нашел его, но его взгляд упал немного дальше, и лишь потому, что трава за палкой каким-то образом двинулась. – Мерещится, – угрюмо подумал он, но трава всколыхнулась опять. Неожиданно шелохнулась и палка, но ведь он не тронул, даже не прикоснулся к лиане. Том стоял как вкопанный и наблюдал.

Вдруг, в один момент трава расступилась, и какое-то огромное бревно прыгнула прямо к его ногам. Тому повезло, он увидел раскрытую крокодилью пасть в полуметре от себя, почувствовал даже брызги на своем лице и шарахнулся к берегу. Он запнулся, но на карачках дополз до границы и, не останавливаясь, что было мочи, вскочил и подбежал к кустам. Лишь там он оглянулся. Крокодила, вернее его огромной пасти, не было видно, но его хвост с зубцами медленно исчезал в болоте. Медленно, пока вдруг не ожила лиана, резко натянувшись как тетива. В болоте произошел мгновенный водоворот, и из травы опять показалась крокодиля пасть. Том не мог понять, что произошло, но лиана держала эту огромную тушу петель вокруг ее головы, вернее шеи, к тому же она на половину вытянула того на берег, но так и не ослабла. Том бросился бежать вдоль кустов, пока просто не рухнул под своей пальмой. Издалека он видел, как огромное животное катается по берегу, пытаясь вырваться из петли, но тщетно, лиана оставалась натянутой.

– Боже, – воскликнул вдруг Том, – люди! Кто же еще

мог поставить такой хитрый капкан. Индейцы? Аборигены? А может просто охотники на крокодилов? – Осознав это, он резко поднялся, но лишь тяжело вздохнул: бежать было некуда. А может, и не надо было?

От перенесенных впечатлений его ноги подкосились, и он рухнул под ствол пальмы, опять стукнувшись головой. Нет, ему казалось, что он не потерял на этот раз сознание, но перед глазами все расплывалось, а уши постепенно закладывало какой-то мягкой ватой. Том старался изо всех сил, потерять сознание в этот момент он просто не мог, ведь вертолет его может не заметить. Он просто не сможет махнуть ему руками, и закричать во все горло так громко, чтобы все эти чертовы джунгли проснулись и испугались. Его глаза закрывались, но он из последних сил опять открывал их.

Неизвестно, сколько прошло времени, но в один момент Том увидел перед собой какие-то темные силуэты. Он не знал, что это было, может привидения, но почувствовал прикосновение к своему телу. Потом ему показалось, что какая-то сила оторвала его от земли и остановила в воздухе, а потом понесла. Он потерял реальность времени, а глаза уже нельзя было остановить, они медленно закрывались. Последняя галлюцинация, которую он на этот раз не увидел, а услышал, был шум вертолета, но он был где-то далеко. Том вырубился.

Глава 4. Первое знакомство

Открыв глаза, Том ничего не увидел, кроме сплошной темноты. В то время, пока память не спеша возвращалась к нему, он почувствовал свое тело, и понял, что просто лежит на спине на чем-то мягком, но немного колючем. Эта подстилка чем-то напоминало сено, или просто высохшую траву. Первое, что ему пришло на ум, была мысль о том огромном крокодиле. Почему-то он был уверен, что рядом с ним находится его пальма, а крокодил все же смог отвязаться, или оборвать ту лиану. Может он ушел обратно в болото, а может, рыщет по берегу в поисках добычи. Тому стало неудобно, и он повернулся на бок. Тело не отозвалось никакой болью, только запястья рук и оба места между голенью и ступней немного жгли, как при потертостях. Странно, но на боку он увидел, как откуда-то извне пробиваются узкие лучики света. Они были разные по ширине и длине, но много света не давали. Он опять перевернулся на спину и посмотрел вверх. Звезд на небе не было. И вообще, не было и самого неба. И никакого дуновения ветерка, даже простого колебания воздуха. Значит, он находился где-то в хорошо укрытом месте. Но вот где?

Вез особого труда, он поднялся и сел. Неосознанно проведя рукой по груди и остановившись на животе, Тон наконец-то понял: на нем была майка, а еще ниже – трусы. Это

все, что осталось от его одежды. Ни костюма, ни рубашки, даже носков не осталось. Правая рука нащупала какую-то сухую траву, и он понял, что она не была очень колючей, но места, где тело было ничем не прикрыто, все же покалывала. Глаза стали привыкать к темноте, а тонкие солнечные лучики как бы загорелись сильнее. Из темноты стали показываться детали, и оглядевшись, Том осознал, что находится в каком-то простом помещении, типа хлева, или тому подобное. Он даже заметил почти неуловимые черты предполагаемой двери, а значит, отсюда был выход. Том встал и аккуратно обошел этот хлев, как он его назвал. Четыре вкопанных деревянных столба, а вместо стен – натянутые лианы с плетеными высохшими листьями, похоже от пальм. Примитивней нельзя было и придумать. Потянувшись, он достал до потолка, вернее до крыши, и опять почувствовал высохшие листья, наверное, тех же самых пальм. – Четыре ствола, лианы и высохшие листья, – подумал он, – и ни одного гвоздя, а только узлы лиан. . . . Похоже, стены и потолок строились незатейливо и просто. Сначала из лиан делалось что-то типа рыбацкой сети с очень большими ячейками, а потом в нее были вплетены много сухих листьев. Наверное, на потолке их было значительно больше, иначе при первом ливне эта избушка была бы просто затоплена. А может крыша имеет два ската, это было бы умнее.

Все стало ясно и понятно, кроме одного: где он сейчас находился и почему. Ответ можно было найти только за две-

рю, но, даже подойдя к ней вплотную, Тому стало страшно. Да, каким-то чудом он спасся, или его спали из той лужайки, и каким-то образом переместили сюда. Сам он не смог бы сюда попасть. Но за дверью был ответ, кто это все сделал и зачем. То есть, то, что он находился здесь, это спасение, или наоборот, предстоящие мучения со смертельным концом? Но надо было это узнать, даже если подтвердится последнее самое худшее предположение. Он постоял у двери минут пять, убедившись, что никакой ручки нет. Она была привязана тонкими лианами к вкопанному деревянному столбу, и, по сути, могла открываться как вовнутрь, так и наружу. Наконец он ногой пихнул дверь и она приоткрылась. Яркое солнце в первое мгновение просто ослепило его, но это не помешало сделать один большой шаг вперед.

Первое, что он смог разглядеть, было какое-то животное на двух ногах, и то лишь из-за того, что оно загораживало солнце. Его тень падала на Тома, и тот просто присел, разглядывая это что-то под углом, снизу вверх. Темные, даже почти черные человеческие ноги. Такое же, только с накаченными мышцами человеческий торс, и обезьянья голова, только не заросшая шерстью. Черные глаза неприятной формы, равнодушно его разглядывающие, широкие ноздри и вывернутые, будто накаченные силиконом губы. Жгуче черные косматые неухоженные волосы и лиана на поясе. К последней были привязаны сухие довольно редкие листья, что делала его наряд похожим на туземский, и лишь между двух

узких, явно не пальмовых листьев в его смешной юбке, Том увидел висячий выступающий мужской член. В руках у этой человека-обезьяны было копье, вернее простая длинная прямая палка с каким-то наконечником, скорее всего каменным, примотанным к палке совсем тонкими лианами. Прimitив был полный, доисторический, неандертальский, даже пещерный.

Вид его черного члена заставил Тома брезгливо отвести взгляд и осмотреться. Огромная поляна овальной формы напоминала искусственно вырубленную в лесу просеку, конец которой терялся далеко за поворотом. Во многих местах он увидел пни от срубленных деревьев, самой различной формы, значит, его догадка подтвердилась. А вдоль просеки стояли, скорее всего, много искусственно построенных жилищных созданий, так как строениями их назвать было просто абсурдно. Это не был типовой поселок, а эти создания или строения ни в одном случае не повторяли друг друга. Если можно в одном строении совместить простой, наспех созданный шалаш, плюс вигвам, и добавить к нему юрту, это что-то среднее преобладало во всем, но в каждом то или иное в большей или меньшей степени.

Возле некоторых строений недалеко от входа возились люди, вернее копии той человека-обезьяны, перед которой он сейчас сидел. Вдалеке она даже увидел женщину, ведь одежда, если ее можно было так назвать, была похожа на единую униформу для всех, даже для детей. Женщина была тол-

стоватая, а ее большие груди свисали почти до пупа.

Том опять перевел взгляд, как он понял, на своего охранника, но тот стоял как статуя, а его равнодушный взгляд ничем не изменился. – Значит, племя, – просто подумал Том. – Самое примитивное. Судя по количеству жилищ, человек сто, хотя, сколько их размещается в каждом шалаше, он не знал. Да, но тот хлев, из которого он только что вышел, резко отличался по форме от всего остального. Может это что-то типа тюрьмы? Ведь из любого шалаша выбраться было раз плюнуть, а из хлева – не так-то просто. Он уже видел, что лианы очень крепкие, а хлев первоначально был накрыт именно сетью из лиан, а только потом в них были вплетены, а крышу еще и засыпали толстым слоем листьев. Он предположил, что через ячейку этой сети хлева, человек протиснуться не смог бы, иначе какой смысл в создании этой тюрьмы, хотя он сам обозвал ее так и только как предположение.

Том сузил глаза, пытаясь поймать общий спектр цветов увиденного. Главным был зеленый цвет, потом коричневый, скорее всего его давали высохшие листья на жилищах. Немного грязно-желтоватого оттенка и темный, почти шоколадный.

– Убого, – подумал он. – Ни красного, ни оранжевого, даже нет синего или фиолетового. Деревня жила просто скучным цветом, но это показывало, что никакая человеческая цивилизация не ступила на ее порог. Это было плохо? – задал он сам себе вопрос. – Не знаю, надо узнать о них чуть

побольше, чтобы ответить, но в том случае, если ему дадут на это время. Он вспомнил известного капитана Кука, которого просто съели. Но иногда по телевизору ему попадались отрывки передач о том, как белый человек прожил в племенах аборигенов более двадцати лет, а некоторые даже умерли там. Правда, эти передачи относились к африканскому континенту. А что здесь? – Ответа не было.

Том понял, что надо что-то делать, ведь его охранник не делал ничего. И пользы от него не было никакой. Он поднялся на ноги и сделал два шага влево лишь из-за того, чтобы посмотреть на реакцию обезьяны, хотя, при всей его брезгливости, он все же был человеком, просто на обезьяньем уровне развития. Хотя, как посмотреть. Копье, одежда и сами хижины были более чем примитивными. Но если это племя имеет отношение к тому крокодилу, а вернее капкану, в который тот попал, нужно было еще о многом подумать. Сейчас Том увидел верх, а что было в глубине, он не знал.

Абориген, – Том решил использовать для себя именно это слово, – тут же переместился и опять встал перед ним, но на этот раз его копье, вернее наконечник, уже смотрел Тому в грудь.

– Понял, – усмехнулся он вслух, – мое место в хлеву, но я могу выйти и сесть за дверь. – Том вернулся к двери, пихнул ее ногой и зашел вовнутрь. Тут же он услышал какой-то непонятный крик, или набор звуков, который шел явно от охранника, оставшегося за дверь. И кричал тот яв-

но не ему, а куда-то далеко. Через минуту, в ответ донесся похожий звук, значит, тому ответили. Том понял, что дело сдвинется с места, позже или раньше, и просто лег на ту же охапку сухих листьев, где он и очнулся. Странно, но он не испытывал жажды, хотя есть страшно хотелось. Он долго ждал, пока просто не задремал.

Его разбудил яркий свет, даже не шум открывшейся двери. На пороге стоял его охранник. Он что-то произнес, а потом повторил. Это был просто набор звуков, для некоторых из которых трудно было подобрать букву из всех языков, какие знал Том. Поэтому он сосредоточился на интонации. Аборигену явно что-то было надо, он приказывал. Том поднялся и подошел к двери. Тот пропустил его, а затем показал копьём вперед, вдоль просеки. Этот жест понял бы и ребенок, и Том пошел вперед. Он слышал или чувствовал своего аборигена спиной или третьим глазом, хотя тот был босым, и звука шагов различить было нельзя. Из хижин, слева и справа, начали вылезать другие люди. Странно, но это были или женщины, абсолютно упитанные или просто толстые, или дети, а иногда просто подростки. Его телохранитель пока был единственным представителем мужчин, но как знать.... Том вертел голову во все стороны, пытаясь заметить хоть какие-то детали, но главное, что он почувствовал во взглядах буквально всех, кого он прошел, даже включая детей, была простая брезгливость и снисходительность. Странно, но все смотрели на него как на какое-то мерзкое

существо, уroda, который не стоил бы их волоска. И это Тому жутко не понравилось. Ему уже начал нравиться его охранник, ведь тот смотрел тогда на него просто равнодушно. Подошв своих ног Том уже почти не чувствовал. И хоть они шли по примятой траве, Том сначала иногда вскрикивал от какой-нибудь колючки, а потом просто перестал обращать на это внимание.

Просека заворачивала направо, и из-за деревьев ее продолжения не было видно. Но когда свернули и они, Том поразился, что продолжение было на взгляд не меньше того, что они уже прошли. Значит, предполагаемые сто жителей подтвердились, а может, их было и больше. Неожиданно, с левой стороны Том заметил не совсем похожую на остальные хижину. Это было что-то совсем другое, и даже красивое. Он назвал его для себя шатром, ведь стены были покрыты шкурами ягуаров и других животных. К тому же, он был разукрашен разноцветными перьями птиц, в основном пугаев, и какими-то другими висюльками и орнаментами. – Вождь или шаман? – Сразу понял он. И в то же время его охранник поравнялся с ним, и его копье показывало именно в сторону шатра.

Оставив Тома перед входом, тот юркнул вовнутрь и сразу вышел. Копье показывало на дверь, хотя ее заменяла громадная пятнистая шкура ягуара, или кого-то из того же семейства. Том пригнулся, приоткрыл шкуру, как сделал его охранник, и вступил вовнутрь. Свет был, но не солнечный,

хотя что-то и пробивалось извне. Шатер выглядел изнутри обычной круглой комнатой, без какой-то даже простейшей мебели или приспособлений. Чувствовался запах гари, и неудивительно. Прямо в землю было воткнуто множество горящих лучин, которые светили и выбрасывали дым. Но как ни странно, кроме самого запаха, этот дым четко отправлялся вверх, даже не рассеиваясь. Том поднял голову и увидел на острие шатра овальное отверстие. Все возле него было покрыто чем-то черным, скорее всего копотью, но, значит, была и тяга, какое-то не хитрое устройство, из-за которого дым прямым столбиком направлялся именно вверх. Справа он заметил кровать, вернее почти то же самое, на чем проснулся и он. Отличий было два: она была раза в два шире, а подстилку из сухой травы покрывали свежесрезанные зеленые банановые и еще какие-то неизвестные, но такие же большие листья каких-то кустов или деревьев. Естественно, спать на таком покрытии было гораздо удобнее, а сама подстилка была толще.

Наконец, его взгляд остановился на туше, которая восседала на охапке травы на самом дальнем от входа расстоянии. В этот момент оба с интересом смотрели друг на друга. Это был вождь, и сомнений у Тома не осталось. Для шамана было бы свойственна куча других атрибутов, а тут было все просто, хотя и удобнее чем у него в хлеве. Единственными отличиями вождя от ого же телохранителя заключались в следующем: этот был старше, толще, а его нос и уши

протыкали какие-то разноцветные палочки. Да и незамысловатое ожерелье из каких-то камушков, висящих на тонкой, но, наверное, прочной лиане, еле покачивались, скорее всего, от воздуха, ведь тот смотрел, подавшись немного вперед. Тома вдруг передернуло. Перед ним сидел самый настоящий орангутанг, только он все же был человеком, вернее его тело не было покрыто шерстью. Все остальное сходилось. Молчание длилось, но никто не опускал глаз. Неожиданно, что-то странное привлекло внимание Тома. Свет был тускловат, но он не мог ошибиться даже в этих условиях. Юбка вождя была красного цвета, и она была цельной, явно не из листьев. И последнее: лиана, обычно коричнево зеленоватого цвета, опоясывающая его талию и удерживающая юбку, была чисто белой.

Автоматически Том сделал шаг вперед и сам испугался. Он, но не вождь. Может и тому хотелось разглядеть гостя поближе, и он даже не шелохнулся. Том сделал еще два шага и очутился в самом центре шатра. Хотя вождь так и сидел, как статуя, но в его глазах появился какой-то новый предупреждающий огонек, и Том понял, что достиг границы дозволенного. Ближе приближаться было опасно. Зато с этой позиции Том просто впился взглядом, опустив глаза, в юбку вождя, а через минуту у него просто подкосились ноги и он опустился на землю. Сомнений быть не могло, на вожде была юбка из его, Тома, парашютной ткани, а вместо лианы его талию опоясывал кусок веревки, вернее парашютной стропы.

Он вспомнил, что его, зацепившийся за деревья парашют, был красно-белым. И сейчас он видел именно то, что ему уже не могло показаться. А значит, именно это племя нашло и забрало его с той лужайки, и скорее всего именно они и поставили капкан на крокодила. Из этого следовало, что тогда, а это всплыло в его памяти именно сейчас, ему не показались силуэты, вернее это не был мираж. Скорее всего, люди из этого племени прибыли тогда на то место, забрали крокодила и его самого в придачу. А под конец, сорвали, или просто отодрали часть парашюта, вместе со стропами. Значит, они же раздели его до трусов и оставили в том хлеву. Что же они сделали с его одеждой? А самое главное, где сейчас находится парашютный рюкзак, ведь именно в нем и мог быть спрятан тот самый маячок?!

– Шум вертолета! – вдруг очнулся Том. – Если те силуэты не были привидениями, ни миражом, значит, и шум вертолета был тоже настоящим. И если он приближался к тому месту, то маячок действительно существовал и находился в рюкзаке. Где же рюкзак?! Если здесь, в деревне, то есть шанс, что его найдут. Если же нет, то нет и шансов. Боже, как мне спросить эту обезьяну, если мы говорим на разных языках? – Том опять поднял глаза. Орангутанг был невозмутим и смотрел ему в глаза.

Наконец он все же вытянул руку, показывая в сторону выхода, и Том все понял. Поднявшись, он все же сделал что-то типа поклона этой обезьяне, а потом вышел из шатра.

На обратном пути в свой хлев Том уже не смотрел по сторонам. Он думал, размышлял и надеялся. Ему было наплевать на костюм и обувь, и на то, что, скорее всего подошвы его ног походили сейчас на кладбище заноз. Он шел быстрее, но его сопровождающий не отставал. Наконец добравшись, Том сразу же вошел в свое жилище и стал обшаривать каждый сантиметр земляного пола, лазая на карачках. Да, он искал рюкзак, или его признаки, но через час, выдохшись, просто упал на свою подстилку и крепко заснул.

Глава 8. Решение

Том долго лежал на подстилке, ворочаясь, садясь, опять укладываясь и меняя позы. Он даже поджимал ноги, а иногда переворачивался на живот. Колючая высохшая трава и листья абсолютно ему не мешали. На этот раз он думал об Эли, и только о ней. Самое главное в их плане должна будет сыграть она. И только если ей все удастся, наступит его черед. Чем это кончится, он не знал, но был уверен, что сделает все, что можно и нельзя, лишь для того, чтобы выдавить из себя хотя бы несколько капель. Но это он оставил на потом, а сейчас он переживал за девушку. От нее зависел первый шаг, убедить шамана, заставить его ей поверить. Это было непросто, тот не был сплошным тупицей. Второй шаг, если бы он состоялся, уже зависел только от шамана, вернее, от его разговора с вождем. Он был бы не легче, ведь вождь да, был тупицей. Он решал вопросы быстро и, зачастую не стараясь что-то обдумать. История с револьвером и камнем подтверждала это. И с мачете тоже. Ну а последний шаг сделает вождь. После заката солнца он вынесет свой вердикт. Он может касаться их обоих, или хотя бы Тома. И кто мог сейчас знать, каким он будет?

Время тянулось невозможно медленно. Иногда Том вставал и выходил наружу, только лишь для того, чтобы взглянуть на солнце. Оно уже шло к горизонту, но еще не зашло,

а он помнил, что решение будет только после захода солнца. Оставалось не более часа, но он шел так медленно, что у Тома разболелась голова. Он уже ни о чем не думал, а тихо лежал на подстилке с закрытыми глазами.

Наконец, в дверь пнули, и он сразу же вскочил, направляясь к двери. На этот раз он увидел еще одного охранника, и тоже с копьем. – Охрану усилили, – усмехнулся он про себя, – вместо одного – двое. Хотя разумно, ведь было темно.

Он даже не заметил жест копьем, а сам пошел по просеке туда, куда его сегодня уже водили. Сердце его так лупило, что вдруг захотелось заплакать. Он понял, что сказывается моральная усталость и напряжение, ведь его вели в суд, а потом могли отвести и на виселицу. Естественно, поговорить с Эли до суда не было никакой возможности. Но его ноги перебирали быстрее и быстрее, а охранники не отставали. Наконец, они свернули за поворот, и даже в темноте и издалека Том узнал знакомый шатер вождя. Его подвели ко входу, он сделал шаг вовнутрь, а охранники остались на улице.

Все было, как и тогда, много лучин, света и вождь на том же самом месте. Только людей было больше. Рядом с вождем сидела другая обезьяна, немного постарше, но Том сразу узнал шамана. Кроме обычной юбки, у того был еще и венок на голове. Тело вплоть до лица, было расписано белыми и черными неровными линиями, а палочки и побрякушки во множественном количестве висели, где попало, даже на ногах. Слева от Тома, подальше от вождя и шамана,

расположились три старые обезьяны. А справа – стояла бедная Эли, ей даже не предложили сесть. Они перекинулись взглядами, но Тому ничего не удалось прочесть на ее лице, хотя она была в таком же положении, как и он, также ожидая решения. На всякий случай Том поклонился вождю и застыл.

Минуты две-три все его пристально рассматривали. Но ни в одном взгляде он не уловил ни сочувствия, ни уважения. Вождь, наконец, что-то сказал, вернее, издал какие-то звуки в направлении Эли, и та позвала Тома стать рядом с ней, что тот и сделал.

– Он приказал, чтобы я тебе переводила. – Шепнула девушка. – Очень мило с его стороны.

– Как дела? – не поворачиваясь, шепнул он в ответ.

– Скоро увидим. – Эли старалась не шевелить губами.

Вождь неожиданно заговорил, да так быстро, что Том дался диву. Речь была минут на пять, но все внимательно его слушали. Когда же он, наконец, замолчал, то сделал в сторону Эли какой-то жест рукой.

– Перевожу, – шепнула Эли Тому на ухо. – Короче, вопрос стоит о тебе и твоей судьбе. Он долго думал, и принял мудрое решение. Но так, как никто из остальных не наделен такой мудростью, как он, вождь пригласил сюда шамана и трех старейшин. Вроде, для учебы, или что-то подобное. Кстати, он уже дал тебе имя, Чути, что на местном языке означает мертвец или просто мертвечина. Может, это связано с тем,

что тебя нашли тогда полумертвым, а может намек на будущее, надеюсь, что я ошибаюсь. – Она вздохнула. – Еще он сказал, что дальновиднее его в племени тоже никого нет, ведь никто ни разу не сказал ему, что количество женщин в племени резко сократилось, а он это заметил еще пять лет назад, когда оставил меня в живых. Но после рождения девочки, я испортилась и уже не внушаю ему никаких надежд. И лишь он один, ради всего племени, решил, как исправить эту ошибку. – Она опять вздохнула. – Все остальное, это восхваления в свой адрес и так далее. Не буду терять твоего времени, ни его тоже.

– А приговор? – спросил Том.

– Еще впереди, – голос Эли немного дрожал.

Заметив, что оба замолкли, вождь продолжил. На этот раз речь была немного короче.

– Насчет тебя, – сразу же зашептала Эли, – у него уже был план, и как всегда великодушный. Так как ты не пытался проникнуть в деревню и не сделал ничего плохого ни одному из ее жителей, он собирался отвести тебя завтра в джунгли и отпустить. Даже дать немного воды и мяса. – Девушка вдруг начала всхлипывать, и Том насторожился. – Извини меня, я все испортила, – ее голос дрожал, – если бы ни я, завтра ты был бы уже на свободе.

– Не ной, – хмуро прошептал Том, – что дальше?

– Он оставляет тебя в племени на неопределенное время. У тебя будет немного больше прав, чем у меня, но и не меч-

тай о большем. Его мудрость заключается в том, чтобы свести, то есть скрестить нас обоих, а его дальновидность говорит о том, что у меня снова появятся девочки. – Слезы уже текли из ее глаз. – Вот и весь приговор.

– А если будут мальчики?

– Он выкрутится, не сомневайся. Но тебе в любом случае будет гарантирована свобода, условия насчет тебя ты уже слышал.

Вождь неожиданно продолжил. По интонации, это была заключительная часть. Сразу после него все заохали, или что-то похожее, заискивающе глядя вождю в глаза. Том понял, что все они одобряют такое мудрое и дальновидное решение, к тому же стараясь показать это как можно ярче.

– Это все? – спросил Том.

– Да, – грустно шепнула Эли. – Он поставил лишь одно условие, что сам лично будет присутствовать при... как сказать..., – она пыталась подобрать слово, – при деле, вернее при акте, короче....

– Я понял, – хмуро усмехнулся Том. – Доверяй, но проверяй. Хуже не бывает.

– Но Том, – в голосе девушки послышалась надежда, – они ни в чем тебя не винит. Если у тебя, вернее у нас ничего не получится, он нам даст, может еще ночь, а потом просто тебя отпустит.

– А тебя?

– Мои два варианта так и останутся. – Она вздохнула. –

Главное, что ты будешь на свободе. Если бы я это знала сразу, то никаких планов бы с тобой не обсуждала. Если он решит пустить меня по рукам, я постараюсь повеситься раньше, кое-что я уже придумала и даже приготовила.

– Иди ты! – грозно сказал Том. – Забудь об этом. Главное, это не подвести тебя в первую брачную ночь, хотя я абсолютно не уверен, что мне это удастся. Да еще в присутствии этого орангутанга....

– У меня есть лист какого-то растения. – Зашептала та. – Он небольшой, но толстый и сочный. Мне дал его шаман. Надо только выдавить в воду его сок и выпить.

– Да? – удивился Том. – Но это же меняет дело.

– Дело уже изменилось. Я у тебя в неоплатном долгу. А вообще-то, я посоветовала бы тебе просто уйти на свободу. Для меня продолжать жить своим черным прошлым, это не жизнь, я тебя просто подставила.

– Подставила? – вдруг рассмеялся Том. – А что бы я делал в джунглях? Медленная смерть? Ведь маячок потоплен, и вертолет больше не прилетит. Он просто великодушно дал мне шанс умереть не сразу, а по истечении нескольких дней, вот и все. Короче, все ясно. Скажи, что ты все мне перевела, и я тоже считаю, вернее мы оба, его решение мудрым и дальновидным. И благодарим его за это.

Эли что-то заговорила, вернее, наполнила шатер этими противными звуками, а закончив, Том увидел, как вождь самовлюбленно заулыбался. Сразу же заулыбались и остальные.

ные. Сборка была явно окончена, и вождь поднял руку. Том с Эли были ближе всего к выходу и покинули шатер первыми. Потом вышел шаман, и что-то сказал стражникам. Странно, но неожиданно он резко повернулся и посмотрел Тому в глаза, всего на один миг, но тот был уверен, что шаман улыбнулся. Переведя взгляд на девушку, эта раскрашенная обезьяна что-то ей говорила, но у Тома вдруг отлегло от сердца. Эта обезьяна показалась ему самой лучшей во всем местном обезьяннике.

Воины сопроводили их обоих до какого-то вигвама, или конусовидной хижины, позволили им войти вовнутрь, а сами остались у входа. Внутри было темно, но присутствие Эли вносило какое-то успокоение.

– Том, вождь придет к нам сразу после ужина, так сказал мне шаман на выходе. К тому времени здесь уже будет свет, такой же, как и у него. И подстилка будет широкой и помягче твоей. Нам тоже надо что-нибудь съесть, костер уже горит, а мясо жарится. Я не могу подойти к костру и взять кусок мяса, а ты можешь. Обычно мне кидают кусок мяса или дичи, пока я стою метров в десяти от костра, как обычной собаке, но я привыкла. Тебе в особенности надо подкрепиться, а потом, я выдавлю сок в миску, вернее в половину кокосового ореха с его молоком, и дам тебе. Ты выпьешь все до дна, и только после этого мы вернемся. Ладно?

– Мне идти к костру? – немного возмущился Том. – И брать у них мясо, рядом с этими вонючими обезьянами?

Ну и привилегия. – Он усмехнулся. – Ладно, только я все равно боюсь за эту ночь. Одна надежда на твой сок. Вернее, надежда на шамана, что он не подведет, хотя в чем-то мое мнение о нем постепенно меняется.

– Том, поверь, – Эли взяла его руки в свои, – как женщина я сделаю все, что смогу. Хотя большого опыта у меня нет. Мы редко занимались с бывшим мужем сексом, а другого учителя у меня просто не было. – Ее голос задрожал. – Извини, если что не так. В любом случае я благодарна за твою попытку. И спокойна, что тебя отпустят, что бы ни случилось.

– Брось это, – Том отвернулся. – Я тоже сделаю что могу. Но хотя у меня и большой опыт, оказаться в такой ситуации мне даже не могло и присниться. Да еще этот клин в голове. Будем надеяться на лучшее. – Вздохнул он.

– Тогда пошли?

Они вышли из их персонального вигвама, и Эли показала рукой в сторону, где горел огромный костер. Вокруг него была уйма народа, и Том засомневался. Но девушка взяла его за руку и потянула. Стража не отставала.

Действительно, метров за десять до костра Эли остановилась, и с ней остался один из воинов. Том тоже остановился, разглядывая эту сцену. Конечно, костром его удивить было нельзя, как и способом приготовления мяса. Две пары рогатин были воткнуты в землю за пределами костра, а на них лежали две толстых жерди, заостренных только с одного конца. Между жердями было расстояние, не больше чем полметра.

На одной располагалась очищенная от кожи туша какого-то большого животного. Это мог быть медведь, или большой ягуар, или что-то очень крупное. Том был слабаком в фауне, особенно местной. Живот не был вспорот, и все жарилось, так как есть, со всеми внутренностями. Ему показалось, что этой туши хватило бы на половину взрослых мужчин племени, или даже больше. На второй жерди было проткнуты, и висела разная по виду и размерам дичь. Тушки больших птиц, но без перьев, что-то похожее на кабана, и разные другие звери. Они были меньших размеров, но были так спрессованы вдоль жерди, что по объему может даже превосходили вес соседней туши. – Да, – подумал он, – мяса хватит на всех. И если судить по его количеству, зная число жителей, кто-то очень разумно все рассчитал. Хватит всем, но и излишков не будет. Вот тебе и обезьяны. А охотники? Насколько он понимал, такая картина повторялась каждый день, но количество добычи было всегда одинаково. Значит, они ловили ровно столько, сколько могли съесть, не больше и не меньше. Разумно, в его бы цивилизацию это правило.

Он ощутил легкий толчок в спину и, не оборачиваясь, пошел к костру. Теперь же его заметили. Во взглядах обезьян он не уловил ничего нового, то же презрение и равнодушие, но видимо весть о решении вождя уже достигла всех соплеменников, так как у самого костра перед ним даже расступились. Всем ужином заправляли две обезьяны, каждая возле своей жерди. Он увидел, как они переворачивали туши

и срезали с них куски мяса в местах, где оно уже потемнело. И в руках у каждого были мачете, что вызвало на лице Тома улыбку. Отрезав очередной кусок, они бросали его назад в толпу, и следовали дальше. Тот, кто поймал, сразу же уходил в сторону и, или садился и ел тут же, или нес домой. Том изловчился и поймал кусок. Он был горячим и обжигал ладони. Недолго думая, он, обернувшись, изловчился, и, поймав взгляд Эли – бросил кусок высоко в ее сторону. Та поймала его на лету и улыбнулась. Второй кусок он поймал только минут через десять, и, подбрасывая его на ладонях, пошел обратно подальше от костра. Возле девушки он заметил стоявшие у ее ног две половинки разрезанного кокосового ореха, полные мутной жидкости. Она присела, а Том специально отошел подальше, отвлекая одного из их охранников. Он знал, что сейчас делала Эли, и, выждав пять или десять минут, вернулся и опустился рядом. Его кусок мяса уже начал остывать, и Том усиленно заработал челюстями. Оно было безвкусным без соли, и он ел только ради своего желудка. Покончив с мясом, девушка протянула ему половину кокоса, и он осушил его несколькими глотками, заметив подбадривающий кивок ее головы.

Все было сделано, и они оба поднялись. Эли оказалась права, подойдя к их вигваму через шкуру, висящую вместо двери, он заметил отблески света. Внутри было почти так же, как и у вождя, даже отверстие высоко на конце сооружения, и дыма не было, лишь резкий запах гари деревянных щепок

или лучин. Широкая подстилка была покрыта свежими банановыми листьями. Ну, прямо пятизвездочная гостиница с номером для новобрачных!

Том почувствовал, как у него задрожали руки. Он стоял как вкопанный, не зная вообще что делать и как себя вести. Эли опустилась на колени и просто задумалась. Наступило долгое молчание, и чем дольше оно продолжалось, тем хуже он себя чувствовал. Его уверенность в себе улетучивалась на глазах, но странно, что руки дрожали, а голова расслаблялась. Еще через пару минут он уже чувствовал себя как после двух порций виски, хотя продолжал стоять как дурак, но ровно и, не покачиваясь. Еще минут через пять его, просто охватила какая-то безмятежность, и он довольно улыбнулся. Но в этот момент дверная шкура отодвинулась, и вовнутрь вигвама забрался тот самый орангутанг, вернее вождь племени собственной персоной. Он сел прямо на землю возле выхода и махнул Эли рукой. Даже Том понял этот знак. Все, пора было начинать. Том опустился сначала на колени, а потом лег на подстилку. Его новобрачная была уже там.

Глава 5. Явление

Том проснулся от какого то голоса, и еще от того, что кто-то тряс его голову.

– Том, милый, да вставай же! – голос был женским. Постепенно сознание занимало свое место, и он, не открывая глаза, понял, вернее, вспомнил, где он реально находится. Никто здесь не знал его имя, да и вообще, его родной язык.

– Сон, – улыбнулся он, и даже поднял руку, чтобы отмахнуться. Ему захотелось продолжить этот сон, где говорят на его языке и с ним знакомы. Он улыбнулся и не открыл глаза. Но голос не унимался, а спустя секунды он почувствовал легкую пощечину. Глаза открылись сами, но было темно, хотя ему показался какой-то силуэт, склонившийся над его головой.

– Том, да вставай же, наконец! – Голос был женский, не молодой и не старый, а сквозь темень ему показались светлые кудри, а несколько волосков даже пощекотали ему лоб.

Он мгновенно поднялся, стукнувшись лбом о чью-то голову и сел. – Где я?

– Там же, где и был вчера. Я Эли, или Лиза, зови меня, как хочешь, мне все равно, мое полное имя Элизабет и я тоже из Европы. Том, у нас очень мало времени, до заката солнца я должна быть у вождя, а после заката будет оглашена твоя судьба. Хоть это ты понимаешь?

– А откуда ты вообще взялась? – подозрительно спросил тот. – И откуда тебе известно мое имя? Что, трудный вопрос?

– Дурак, – услышал он. – Я знаю, что нам предстоит долгий разговор, только запомни, что я только что тебе сказала, наше время лимитировано, поэтому давай покороче, проще и конкретнее. Будем разговаривать тут или снаружи?

– Конечно снаружи, – удивился Том, – мне же надо убедиться, что я говорю не с призраком, и к тому же, мне нужно тебя видеть.

– Как скажешь, – безразлично ответила незнакомка, и, схватив его за руку, потянула его к двери. Том поднялся и пошел следом.

Очутившись на ярком свете, он сразу же зажмурился, но когда, наконец, открыл глаза, то охнул и просто опустился на землю. Перед ним стояла девушка, а за ее спиной – тот же абориген, охранник. Как и вчера, он смотрел наискосок снизу вверх уже не на охранника, а на незнакомку, но та быстро опустилась рядом.

– Дальше тебя не пустят, – сказала она, – но и нужды нет. Они ничего не понимают, так что давай начнем.

Девушка была симпатичной, да и к тому же натуральной блондинкой. На ней была деревенская униформа, и Том застыл взглядом на ее голой груди. Она не была идеальной, но еще не потеряла форму. Оба ее холмика продолжали стоять, а соски смотрели прямо на него. Ее грудь не была ни большая, ни маленькая, то, что надо.

– Да оставь в покое мою грудь! – серьезно возмутилась девушка. – Ты же не из монастыря, а из большой коммерческой фирмы. Наверное, и жена есть, и дети, а ты тут....

– Нет, – спохватился Том и поднял голову. – Извини. – У нее были светлые курчавые волосы, и, в общем, довольно смазливое, а может даже и привлекательное личико. Девушка была стройной и пропорциональной. Если бы это было в том мире, и она бы к нему клеилась, возможно, он бы и согласился провести с ней пару недель. Хотя в его жизни встречались и покрасивее.

– Кто ты? – Сразу спросил он. – И откуда обо мне знаешь? Неожиданно девушка откуда-то из-за спины достала завернутый в листья кусок жареного мяса.

– Том, тебе надо поесть. – Твердо сказала она. – Я могла бы принести больше, но сразу и много тебе повредит. Съешь это, и твой желудок опять начнет работать.

– Мясо? – удивился Том, – а что, какой-нибудь растительной пищи здесь нет? Начинать с мяса не лучшая затея.

– Я знаю, но здесь едят только жареное мясо, – Эли не удивилась, – оно хорошее, хотя и без соли.

Мясо действительно было мягким, и Том прожевал кусок быстро, даже не из-за вкуса, а ради желудка.

– Спасибо, – сказал он и вытер рот рукой. – Отдаленный вкус мяса, но съедобный кусок. Никогда не пробовал мясо без соли, ты мне можешь сказать, кого хоть я только что съел? Может того крокодила?

– Помнишь, я попросила тебя покороче. И ты не забыл, как меня зовут? – Девушка прищурилась. – Я была на той поляне, меня отправили туда с другими охотниками, потому что разведчик принес весть, как о крокодиле, так и о белокожем. Шестеро понесли крокодила на двух длинных жердях, тебя же несли четверо, на более коротких палках, привязав за запястья и лодыжки. Двое же оставшихся стянули парашют. Вот и вся процессия....

– Два вопроса, Эли, только два, – горячо заговорил Том и подался вперед. – Они нашли рюкзак? Такой небольшой, защитного или болотного цвета. Он же был там.

– Помню, – безразлично ответила та. – Был такой. И еще туфли и носки.

– Где он!?! – лицо Тома остановилось прямо напротив лица девушки, оно почти касалось ее.

– А что в нем....

– Где он, Эли!?! – почти крикнул Том так громко, что даже охранник выглянул из-за плеча девушки.

– Его обыскали, – немного испугалась та, – нашли перочинный ножик, забрали его, а рюкзак? Они положили в него твои носки и туфли и бросили в болото. Том, что с тобой?

– Конец, – вздохнул он, откинулся и склонил голову. – Эли, это – конец. Кстати, ты тоже слышала шум вертолета?

– Мы успели отойти на полкилометра, и мне показалось, что сзади послышался необычный шум. Я не могла найти ему название, но сейчас ты мне подсказал. Скорее всего, это

был шум вертолета. – Девушка с каким-то грустным интересом смотрела на него. – Чему конец, Том? И причем тут этот рюкзак? И вертолет? Пойми, если у нас не получится диалога, то мы не закончим и через неделю.

– Хоть через месяц, – безразлично махнул рукой Том. – Я летел в самолете, случился пожар и неполадки, всех успели сбросить в океан в спасательных жилетах, но я был на самом последнем месте. Короче, меня сбросили с парашютом над тем болотом, самолет расходовал горючее, чтобы сесть. Сел ли он? Не знаю, но в том рюкзаке находился незаметный маячок, по которому за мной должны были прилететь, скорее всего, именно на вертолете. Дальше ты знаешь. Значит, он все-таки прилетел, покрутился над болотом, и улетел с плохой вестью. Все, Эли, мне конец. – Том вздохнул. – Останусь ли я живым, или меня убьют, это лишь дело времени. Отсюда мне не выбраться, последняя надежда угасла. Ладно, ты права, спрашивай, если хочешь. Кстати, откуда ты можешь обо мне знать?

– Когда тебя принесли, они сняли с тебя одежду, оставив в этом виде, то есть ближе к их наряду. Остальную одежду просто выбросили, сохранив галстук, как веревку, перочинный нож и парашют. Тебе этого не понять, они выбрасывают все, что даже с первого взгляда им кажется не нужным, но, к сожалению и всех, кто им не нужен. Сегодня стоит вопрос, нужен ли ты им или нет. Если после захода солнца вождь решит отрицатель, завтрашнего утра у тебя просто не будет. Я

нашла твой пиджак и прочитала все бумаги, которые были у тебя в кармане. Поэтому я знаю твое имя, должность, где и кем ты работаешь, вернее работал. Все просто, тебя устроил мой ответ?

– Но тебя же оставили? – Том поднял голову. – В чем нужна им ты? Может, и я сгожусь на это?

– Не сгодишься. – Эли отвернулась. – Я из Европы, как и ты. Участвовала в экспедиции. Нас было шестнадцать, пятнадцать ученых мужей и я в роли секретарши или стенографистки. Длинная история. Только после встречи с этим племенем, на следующее утро проснулась я одна. – Девушка грустно развела руками и замолкла.

– А что вы искали? – вздохнул Том. – Извини, Эли, я тебя понимаю. Ты здесь давно?

– Больше пяти лет. В этом племени все считают по годам, забудь про недели и месяцы. А что мы искали? – Она задумалась. – Какая сейчас разница? Том, сейчас разговор не обо мне, если ты останешься жив, у нас еще будет время поболтать. Ты можешь просто отвечать на мои вопросы? Двумя словами, да или нет?

Том кивнул.

– Ты что-нибудь умеешь делать руками? – вздохнула Эли.

Том повертел головой.

– Знаешь ли ты что-то, кроме коммерции и таких же никчемных для этой ситуации приложений? Типа экономики, психологии, маркетинга... Например охоту, агрономию,

сельское хозяйство, и так далее.

– Нет.

Эли тяжело вздохнула и поникла. Том понял, что дело – хуже не придумаешь.

– Мне тридцать три, – вдруг тихо сказала она. – Возраст Христа. Почему-то я была уверена, что в этом году что-то случится. Да, я не ошиблась, ты сидишь рядом. Только чем это может помочь тебе или мне? – Она пожала плечами. – Поверь, Том, я безумно рада, что ты сейчас здесь и мы разговариваем. Я думала, что скоро забуду родной язык. И никогда не увижу ни одного светлого. Сегодняшний день.... Как и остальные, он состоит из двадцати четырех часов. Двенадцать уже прошли, и осталось шесть, а может и пять. Пять часов радости, и это за пять лет мук? – Ее глаза увлажнились, и Тому стало не по себе.

– Эли, – он потянулся и приподнял ее подбородок, – пять часов, это не пять лет, но и не пять минут. И мы же белые, умные. Посмотри на этих обезьян. Конечно, ты их знаешь лучше, даже язык. Но они же обезьяны. Не спорю, как они поймали того крокодила, пещерный человек не смог бы придумать такую ловушку. Но разве мы не смогли бы придумать более умную, выгодную и хитрую ловушку для нас, нашего блага? Зачем тогда я учился? И вообще, прожил тридцать семь лет? Ты меня понимаешь? Нам надо подумать, но в этой ситуации ты знаешь все, или узнала почти все за пять лет, а я – ничего. Ты должна мне многое рассказать, честно и без

утайки. И про них, и про себя. Все, только очень кратко. Чтобы нам хватило нескольких часов, а остальное время понадобится на раздумья. И мы должны что-нибудь найти. Мы просто не можем не найти ничего.

– Эли... – Том выдохся. Он видел, как та упала духом, просто рухнула так глубоко, что перестала надеяться выкарабкаться. Ему самому было не лучше, но почему-то ее слезы и признание в беспомощности наоборот придали ему какой-то сильный толчок. Она была девушкой, более слабым созданием, чем он. И он должен был помочь. И ей и себе. Он всем помогал, всем и всегда, когда его просили, таким было его сердце. Ситуация была натянутой, он это понимал, но был уверен, что если они оба объединятся, то выход найдется, или на худой конец, они оттянут время, а потом найдется и окончательный выход. Неожиданно Том погладил Эли по голове, как маленькую девочку, которая еще не пошла в школу. Ему очень хотелось придать ей силы.

– Том, мне нравится твоя надежда, от нее веет даже уверенностью. – Эли не убрала руку Тома, – мне будет трудно все рассказать за несколько часов. Но еще труднее мне придется рассказывать, почему я осталась жива, а все остальные погибли. Но ты прав, надо или замолчать, или рассказать все. – Она тяжело вздохнула. – Это я выходила тебя, ты был близок к тому свету, но зачем-то я тебя все-таки вернула.

– А сколько я спал? – спросил Том, – я очнулся только вчера.

– Знаю. Ты спал трое суток, даже больше. Но я вливала тебе воду в рот, добавляя в них специальные капли. Я многому научилась у них, и результат на лицо.

– Они каннибалы?

– Нет. Но они особенные.

– А насчет оружия?

– Они не знают металла. Дерево, камень и лианы. – Эли задумалась. – Хотя металл у них есть. В нашей экспедиции почти у всех было оружие. Когда нас схватили, вождь попытался одним из револьверов разбить камень, лежащий на дороге, но не смог. Тогда он дал приказ отнести и выбросить все оружие в реку.

– В реку? – удивился Том. – Здесь рядом есть река?

– Если есть болото, должна быть и река, – усмехнулась Эли. – Сначала мне оставили жизнь просто случайно. У всех были мачете. Вождь поднял одно и долго крутил его в руках. Не помню, что на меня тогда нашло, но я подошла, подняла другое, и одним махом разрубила пополам первую, валяющуюся неподалеку палку. Она была не из тонких, но мачете разрубило ее. Это очень понравилось вождю, и теперь у них есть наши мачете, хотя они понятия не имеют, что их лезвие сделано из стали, да и им это неинтересно. После получения мачете, они расширились, и строили хижины в десять раз быстрее. Ну, и конечно охота пошла лучше. Именно мачете они убили твоего крокодила за несколько ударов, а до этого им приходилось лупить его часами камнем по голове, выжи-

дая момент, когда тот же камень можно будет опять безопасно поднять и опустить еще раз на голову крокодила. Ведь палкой ты его не прошибешь.

– А сколько здесь вообще жителей? – поинтересовался Том.

– В этом году я задалась целью и постаралась пересчитать их. Получилось сто двенадцать. Они – охотники, хотя есть и воины. Охотников около тридцати, воинов шестнадцать. Стариков, которые уже просто сидят и никуда не ходят – восемнадцать. Старушек – шесть. Детей и подростков – двадцать четыре, и женщин, способных еще рожать, – восемнадцать. Короче, женского населения всех возрастов – тридцать четыре человека. Ровно одна треть, даже еще меньше. Я сделал то же самое, вернее такой же подсчет в первый год как здесь очутилась, и как ни странно, женского населения было немного больше, чем мужского. И людей в племени было больше, человек сто шестьдесят или около того.

– Значит, они вымирают? – удивился Том.

– Я бы сказала не так. Если кто и вымирает, то в основном только женщины. – Эли развела руками.

– Ладно, – махнул рукой Том, – статистика явно не в мою пользу. Мне кажется, что нам пора все-таки услышать от тебя сжатую, но полную информацию обо всем, что варится в этом племени. Рассказ о твоей экспедиции хоть и интересен, но его можно оставить на потом, если таковое будет. Ты готова, Эли? Сожмись, и выдай самое главное и ценное.

Представь, что мы поменялись местами. Что бы ты захотела от меня услышать, и именно в этой ситуации?

Девушка задумалась и посмотрела на солнце. – Пару часов хватит? И еще час на дополнительные ответы на твои вопросы.

– Хватит, – вздохнул Том. – Не тяни, лучше начинай побыстрее.

Эли кивнула, задумалась ненадолго, и заговорила.

Глава 6. Племя

Это – необычное племя, поверь мне. Я может и не профессор, но очень много знаю в этой области. Наша экспедиция шла в другое место, и у нас была старая карта. Но путь лежал через эти края, поэтому в один тот злополучный день, мы столкнулись с одним воином, это было в полукилометре от этого поселка. Он не был отмечен на карте, поэтому встреча была неожиданной для всех. У того было только примитивное копьё, и он так же как и мы опешил от встречи. Все испортил профессор Долли, он вдруг выстрелил. Минут через десять здесь были уже несколько воинов и тот же Долли выстрелил опять и убил одного. Только после этого в нас полетели копьё, и из наших стреляли уже почти все. Они убили еще троих из племени, но потом попали в ловушку, то есть всех нас взяли.

Ладно, это я так, коротко. Просто для того, чтобы ты понял, это – не воинственное племя. Здесь есть воины, но только для защиты, на какой-то особый случай. Километров в тридцати или больше есть другое племя, вот оно – воинственное. Но это другой вопрос. Если бы тогда мы не проявили воинственности, нас бы может и сопровождали бы немного, но никого бы не тронули. К сожалению, я это поняла только в плену. Это – племя охотников, да еще и очень искусных. Они не знают железа, но ты не представляешь ка-

кие они мастера в своем деле. У них может сотня разного вида капканов, из лиан, палок и выкопанных ям. До мачете, они копали и рубили деревья только заостренными камнями, которые легко можно найти у реки. Но они не мастера работы по камню, просто они знают, как их затачивать, один о другой, небольшая хитрость. Благодаря их навыкам племя всегда было обеспечено едой, вернее мясом. В других племенах что-то сажают, выкапывают корни, короче едят много растительности, а мясо наоборот является редкостью. Здесь же – племя охотников-мясоедов, им нет надобности что-то садить, хотя плодами деревьев они тоже не брезгают. Я тебе уже рассказала структуру племени, легко увидеть, что охотников в нем больше всего. Добыча есть каждый день, они ее жарят и распределяют между каждым без исключения. Огонь они добывают еще доисторическим способом, но редко, у вождя в его хижине он всегда есть, лучин хватает на то, чтобы от них в любое время можно было бы разжечь костер.

Это все об их профессии, если можно так сказать. А теперь об устройстве поселка. Вождь и шаман, всеми правят только эти двое. Они оба явно умнее других, хотя их мышление для нас очень примитивно. Даже в охоте они гораздо умнее. Они – язычники, но никогда не делают жертвоприношения из людей. Только туши или тушки животных и птиц. С виду – очень даже миролюбивое племя, хотя определенная жестокость существует внутри. И касается это, прежде всего

женщин, хотя это небольшая редкость в здешних, да и других племенах. В женщине они видят только машину воспроизводства, и соответственно к ним относятся. Дети и подростки строго распределены. Девочки содержатся в отдельных хижинах, вернее в двух. На сегодняшний день их только десять. Когда какой-то из них наступает двенадцать лет, ее отдают мужчине, пока она не забеременеет и родит. После рождения ребенка у нее есть три месяца, а потом происходит то же самое, и так до тех пор, пока она достигает возраста, когда рожать уже не может. Но редкие женщины его достигают, поэтому старух сегодня в племени всего шесть. Для вождя они не существуют, хотя их и кормят, они – лишний балласт для племени. Старики еще хоть могут давать советы по охоте и делиться опытом, а так же учить молодежь. А что может старая женщина? Вождь смотрит на них брезгливо и ждет быстрой смерти. Его мировоззрение основано лишь на том, что нужно племени, а что нет. И решает он это за минуты. Те же самые револьверы и пара ружей, которые они забрали у нас, могли бы сослужить им огромную службу, но он просто подержал их, и как я тебе сказала, попытался расколоть камень. Он даже не задумался, как из этого предмета могли быть убиты четверо его соплеменников. И он всегда такой.

Кстати, о тебе. Он послал меня сюда, чтобы я с тобой поговорила. В зависимости от того, какой рассказ я принесу и передам ему до заката солнца и решит твою участь. Если я

сумею доказать или показать какую помощь ты можешь принести племени, он оставит тебя в живых или нет. Как с тем же револьвером. К сожалению, на этот момент у меня нет ни одного аргумента в твою пользу. Кстати, я тебе нравлюсь? – неожиданно спросила она Тома.

Тот опешил. Его голова старалась понять в этот момент устройство племени, а больше всего – логику мышления его вождя. Он поднял глаза в изумлении.

– А причем здесь это? – насторожился он. – Хотя, да, ты симпатична. А я?

– Ты – тоже. – Грустно улыбнулась она. Но сейчас ты поймешь, почему я это спросила. Как тебе нравятся эти аборигены, или индейцы? Я даже не знаю как их и назвать. Они живут обособленно и не ищут никаких контактов с кем-либо. Лишь раз в два года этот вождь встречается с тем другим, я тебе говорила о воинствующем племенем за тридцать километров отсюда, хотя никогда их не видела. И возвращается он быстро, видимо разговор их никогда не затягивается.

– Как мне эти обезьяны? – вдруг рассмеялся Том. – Я не раз был в зоопарке и видел и горилл, и шимпанзе, даже орангутангов. На расстоянии они мне казались забавными, но от непосредственной встречи с ними лицом к лицу меня просто тошнит. Тем более зная, что в данный момент я полностью он них зависим. Я просто брезгую ими. А тебе?

– То же самое. Но фокус в другом. Они смотрят на нас абсолютно также, и чувствуют то же самое. Кроме зависимо-

сти. Мы кажемся им уродами.

Том вспомнил, что он читал в глазах местных жителей, когда шел в первый раз к вождю. Наверное, Эли была в чем-то права.

– Ладно, Эли, – согласился Том, – я уже кое-что понял. Женщины здесь производительные станки, упор ставится на охотников. А воины просто охраняют деревню от неожиданного вторжения. Вождь заботится о поселке, но самым примитивным образом. То, что нужно сейчас, он оставляет, остальное выбрасывает. Кстати, здесь есть кладбище?

– Нет. Мертвых относят к реке и просто туда бросают. Как в Индии, только здесь их не сжигают.

– А твоя экспедиция?

– То же самое. Они не любят убивать людей и делают это, в крайнем случае, и только в целях самозащиты. Всех наших мужчин раздели догола и отвели к той самой реке, а потом по одному просто столкнули в воду. В том месте очень быстрое течение, много водоворотов, камней. К тому же там полно пираний и там часто появляются крокодилы. Шансы на выживание равны нулю. – Эли опустила голову.

– Ладно, – задумался Том, – что еще? А шаман?

– Мне кажется он умнее вождя, вернее, дальновидней. Но он не силен в охоте, и, так же как и остальные слепо тому подчиняется. Попасть к нему на аудиенцию можно только после разговора с вождем, вернее после его разрешения. И на вид он такая же обезьяна, как и все остальные. Хотя,

по первой его просьбе вождь незамедлительно встречается с ним, значит, уважает.

– Может тот дает ему дельные советы, ведь ты сказала, что шаман дальновидней?

– Может, даже, скорее всего. – Эли пожала плечами. Я живу недалеко от вождя, там есть три вигвама, если их можно так назвать, по шесть девушек в каждом. – Вдруг она резко изменилась. Опустив голову, она стала просто плакать. Сначала Том замечал одиночные капающие слезы, потом их стало больше, а под конец затряслись плечи. Эли просто рыдала.

Том придвинулся и обнял ее за плечи. Он пытался что-то говорить, гладил девушку по голове, но успокоилась она лишь через четверть часа. Плача не было, но она не поднимала головы. Том терпеливо ждал.

– Ладно, – послышалось ему, – я должна тебе все рассказать. Я не соврала тебе ни в чем, просто не все сказала. Поверь, мне трудно это говорить. Ты спрашивал меня, почему меня оставили, одну из всех? Нет, не из-за мачете. Оно сохранило мне лишний день моей жизни, не больше и не меньше. Видимо на решение моей судьбы повлиял тот же шаман. Я тебе уже рассказала о структуре племени. Видимо и шаман уже давно понял, что к чему, и сделал выводы такие же, или похожие на наши. Число женщин, вернее станков-воспроизводителей становилось все меньше, соответственно падало и количество людей в племени. Родившихся девочек берегли как зеницу ока. Не знаю, с чем это все связано. Может с гене-

тикой, или кровосмешением, или еще с чем-то, но факт был на лицо. Вождь наверняка не задумывался об этом. Вождь, но не шаман. Видимо перед решением, что делать со мной у них состоялся разговор, после которого меня оставили, то есть не повели к речке. Но лучше бы повели. – Эли затихла, а у Тома было предчувствие, что он вот-вот услышит что-то горькое и грязное, и не ошибся.

– В ту же ночь, – Эли говорила уже почти шепотом, – меня повели к вождю и распяли как Христа прямо на земле в его хижине с помощью лиан и колышков. Потом . . . , – она всхлипнула, – эта горилла чуть не задавила мое тело своей тушей. Я кричала и извивалась, но куда там. Он изнасиловал меня, быстро и брезгливо. Потом еще раз, и еще. . .

– Успокойся, – сказал с горечью Том и сплюнул в сторону. – Скотина! Я бы пристрелил его первого, если бы только смог. А почему брезгливо? – он сам не знал, зачем он спросил это.

– Им нравятся только свои женщины. Толстые, со свивающимися грудями, черные и с обезьяньей мордой. Он насиловал меня, но морально насиловал и себя. Я была ему омерзительна, я чувствовала это. У него не было ко мне никакой, даже животной похоти. Поэтому каждое насилие было быстрым. И после каждого он обмывался водой, как от прилипшей грязи. Извини Том, давай закончим на этом, я больше не могу. . . .

– Эли, забудь, – сжав зубы, грустно сказал Том. – Меня ни-

кто не насилдовал в жизни, но я читал и видел по телевизору, что многие жертвы потом или кончали с собой, или просто сходили с ума. Ты же выдержала и живешь с этим пять лет.

– Выдержала?! – Эли подняла голову, и зло на него посмотрела. – Ты думаешь, это можно выдерживать?!

– Извини, – Тому стало больно, – у меня просто вырвалось. Я больше не буду.

– Да, я выдержала. Но на утро, когда очутилась в своем вигваме, тут же попыталась повеситься с помощью тех лиан, которыми меня распяли там, на земле. Их разрезали, но они еще болтались на моих запястьях и щиколотках. Я связала их, и пока все еще спали, сделал петлю и... К сожалению, она не выдержала. Нет, не лиана, а мои узлы. Другие женщины проснулись, а меня уже через полчаса перевели в одиночку. Хижин в деревне много, ведь население упало. Ко мне приставили воина, он спал в той же хижине и не отступал от меня ни на шаг, даже когда я выходила в туалет, вернее в лесок, просто отворачиваясь. Так продолжалось два месяца, пока я не осознала, что беременна. Но тогда ко мне приставили еще одного воина, только снаружи. Да, я поняла их замысел. Видимо шаман посоветовал вождю испробовать этот вариант. Наверное, он и раскрыл ему ту статистику, или ее часть, о которой я тебе уже рассказала. Из меня решили сделать такой же станок, только брезгая им же, унижая его, и ожидая лишь продукции, которую он мог дать. Тебе это не понять, Том... – Эли не плакала, но говорила с такой гру-

стью и болью в голосе, что у Тома просто заболело сердце. Оно горело, и Том пытался незаметно его массировать, благо, что Эли не поднимала голову.

– Ты была замужем? – просто спросил он.

– Была. Пять лет. А потом развелась. Он был хороший, и он был моим первым мужчиной. У нас не было детей, ведь дома я проводила лишь два месяца в году. Иногда три, а остальное время – экспедиции, раскопки, командировки. Какие дети могут быть в такой семье, вернее при такой матери?

– Эли, а что было дальше? – Осторожно, и как можно мягче спросил Том.

– Я родила девочку и кормила ее три месяца. А потом ее забрали, поселив в хижину детей или подростков. Я редко вижу ее, и она понятия не имеет, кто ее мать. Она получилась мешанкой, темная, почти черная, но лицо у нее было моим, не обезьяним. В тот день, узнав, что я родила девочку, ко мне пришел даже вождь и похлопал меня по плечу. Он был рад, что в племени появился еще один будущий станок-воспроизводитель. А через три месяца все повторилось опять: та же хижина вождя и все такое. Я опять забеременела, но через девять месяцев родила мальчика. Его забрали уже на следующий день и больше я его никогда не видела. Том, ты не знаешь, что чувствует женщина, когда у нее перегорает молоко. Я истекала им, но до меня никому не было дела. К тому времени я уже хорошо знала их язык и од-

нажды не выдержала и попросилась к вождю. Естественно я хотела знать, что стало с моим сыном, но разговор получился коротким.

– Твой сын – это смесь настоящего охотника с уродливой никчемной расой. Из него никогда не вырастет настоящий охотник, ни воин. Тогда, какая же от него польза? Забудь, и рожай девочек.

Я поняла, что его отнесли к той же реке и выбросили. Я уже знала ход мыслей вождя, и ни в чем не сомневалась. Наверное, месяц я рыдала, а через два все повторилось. Потом я опять родила мальчика, и все повторилось, как и тогда, он исчез на следующий день. За пять лет в племени я больше никогда не родила девочку. А месяц назад вождь вызвал меня сам.

– Вью, – сказал он мне, – от тебя нет никакой пользы, твои мальчики никому не нужны. – Они все называли меня этим именем, Вью. Он переводится с их языка как протухший. Но мне было все равно. – Я не хочу больше осеменять тебя, мне это противно. Я еще подумаю немного и решу. Или избавлюсь от тебя, или отдам тебя остальным мужчинам. Но если и после них ты не родишь девочку, от тебя уже точно не будет толку. Мы ведь кормим тебя, уже пять лет, а что ты дала взамен? Одну девочку? Это хорошо. Но пять лет твоего содержания не оправдывает даже ее. Ты поняла?

Мне нечего было сказать. Я поняла его примитивную логику. И все последнее время я живу как в аду. Нет, меня ни-

кто не тронул, но это может произойти в любой день. Я только молю, что бы меня повели к той реке, я не знаю, что будет с моим рассудком, если вождь все же решит пустить меня по рукам. – Эли не выдержала и зарыдал.

Том сидел как в тумане. Еще никогда ему не было так больно. Сердце горело, а душа готова была разорваться на части как мыльный пузырь. Но чем он мог помочь ей, если завтра утром он сам может не проснуться? Ведь после решения вождя его отведут к той самой реке, если.... – Если что? – грустно подумал он. Рассказ о потопленных мальчиках Эли не оставлял ему ни единого шанса. Если те были смесью с местным народом и их топили сразу же без размышлений, то примитивная логика вождя ему, Тому, не оставляла никаких надежд. В чем он мог быть полезен племени? Он, коммерсант, который кроме поиска и подписания выгодных контрактов для своей фирмы ничего не умел.

Эли молчала. Молчал и Том. Сейчас он осознал всю ситуацию, и от его бравости не осталось и следа. Он падал в ту же яму, куда упала Эли, и выкарабкаться из нее он не видел никакой возможности. Ему было жалко Эли, но и себя тоже. Почему тогда парашют не оставил его в болоте, а лишь замочил ноги и вытянул на сушу? Все. Это уже точно конец. Но внезапно он вспомнил о девушке. Его самого, несомненно, поведут к реке, а ее – под вопросом. Пустить ее по кругу обезьянам, было невыносимо даже представить. Боже! Спаси хоть ее! Пусть нас вместе поведут к реке и сбросят обоих!

Это будет жестоко, но милосердно.

Эли поднялась.

– Нет надобности, сидеть рядом, – угрюмо сказала она. – Не знаю о чем тут думать, и что я могу сказать вождю. Извини меня, Том, я не вижу даже лучика надежды. Думай ты, а если хоть что-то появится – скажи своему воину мое имя, Вью, и он пошлет за мной. У нас осталось только два часа. . . .

– Эли, поверь, я буду думать, – в голосе Тома уже не было прежней уверенности, – но он хотел приободрить, прежде всего, ее. – Только прошу тебя, отбрось прошлое, и подумай о сегодняшнем дне. Ты мне много рассказала, но сжато. Может в твоей голове проскочит хоть какая-то искра. Тогда сразу беги ко мне, может, мы ее раздуем.

– Да, конечно, – Эли повернулась и медленно с опущенной головой побрела по просеке. Том еще долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. А потом встал и вернулся в свой хлев.

Глава 7. Выход?

Улегшись на своем сене, Том задумался. То, что он услышал от Эли было варварством, но что можно было ожидать еще от этих обезьян? Ее история больно впиалась толстой острой костью в его сердце, но эта кость не была единственной. То, что уже сегодня ночью он сам, скорее всего, умрет, было, второй костью. Может, были и какие-то еще маленькие косточки, но они просто исчезли из виду под или между этими двумя невыносимыми острыми костями.

Том задумался и очень глубоко. В своих мыслях он перебирал всю свою жизнь, начиная даже с периода, когда был подростком. Он вспомнил, что сам сделал рогатку и стрелял по банкам. Пригодится ли это племени? Возможно, но где взять резинку? Без нее рогатка не выстрелит. Да и вообще, даже своей рогаткой, если бы и была резинка, он оттянул бы свой конец максимум на неделю. Неожиданно он почувствовал нестыковку в рассказе Эли. И именно в отношении себя. Он не хотел, но авария самолета, что уже было для него трагедией, забросила Тома к той лужайке. Он не постарался приблизиться к этой деревне. И он не оказал, вернее просто не мог оказать какое-либо сопротивление кому-либо. Эли же говорила, что эти обезьяны не кровожадны и не воинственны. И если бы ее экспедиция не начала тогда стрелять, их бы сопроводили и забыли бы о них. Почему же его, как и кро-

кодила забрали с собой? Ради интереса? Но тогда, зачем им его смерть, если он сам бы умер на той же лужайке? Получается, что они же его и спасли. Зачем? Для того, чтобы потом сбросить в реку? Никакой логики не было. Даже, как-то понимая тупость вождя, он, Том, был вообще ни к чему не причастен. – Том даже приподнялся. У него появилась какая-то увеличивающаяся в размерах надежда. – Почему же Эли была уверена, что если она не докажет его пользу для племени, его отведут именно к реке? Нет, его должны отвести подальше от деревни, но не к реке, и просто отпустить где-нибудь в джунглях. Этим поступком все становилось на свои места, если же Эли не договорила чего-то еще очень главного и важного. А может?!... Том сел. – Эли сама была на краю пропасти. Том прекрасно ее понимал, особенно одну из ее двух перспектив. Это было бы просто невыносимо не только для нее, а и для сердца самого Тома. Лучше бы он этого не слышал, хотя бы эту, ее личную историю. Она и была одной из двух костей, сидевших сейчас в его сердце. Вторая кость стала уменьшаться в размерах, логика Тома действовала на нее. Нет, его не должны были убить, если все было так, как описала девушка, его просто отпустят. Да, это меняет, но не многое. В одиночку в джунглях, даже найдя реку и черпая из нее воду чтобы утолить жажду, он скончался бы через неделю или от каких-то гадостей, которыми кишели джунгли, или просто от голода, а может и от самой воды. Его зажигалки не было, и среди перечисленных вещей, которые

забрали и не бросили в болото, Эли зажигалку не упомянула. А без нее он никогда бы не смог добыть огонь, а значит, и прокипятить речную воду. Да, это было грустно, но все же это был шанс. Шанс каким-то чудом выжить. Сбросив его в реку никаких шансов на выживание не было. Но почему она..... Есть! – неожиданно вслух воскликнул он. – Наша логика и наша натура. Эли сидела на краю пропасти и ждала, что ей принесет возраст Христа. Он ей принес его, Тома, хотя и никчемного. Но он был белым, и с ним можно было по-человечески общаться. У Эли появилась хоть маленькая, но надежда, что каким-то образом его появление может на что-то повлиять, или хотя бы оттянуть время. Ее рассказ, а именно заверение, что Том может завтра не проснуться, могло быть простым и естественным спектаклем. Но даже если это и так, он ни в чем не винил девушку. Борьба за выживание, желание избавиться от мук и позора, да и вообще. Наверное, и он, Том, поступил бы в ее случае также, или почти также.

Том встал и заходил по сараю. Картина раскрывалась шире и глубже. Но уверенность прибавилась. Нет, его, Тома, отведут и отпустят, одной костью станет на сердце меньше. Он даже улыбнулся. А вторая? Может, можно просто уверить себя, что Эли отведут к реке без каких-либо других вариантов? Да, она погибнет, но и у него были мизерные шансы на выживание. Может, ему будет даже хуже, ведь часто быстрая смерть предпочтительнее медленной, да еще и в муках.

Все складывалось как нельзя лучше. Вскоре, он позовет ее и сыграет в ответном спектакле. Он скажет, что выхода нет, и покорится смерти. Он убедит ее пойти и рассказать всю правду, что он этому племени не нужен ни с какой стороны. Пусть делают что хотят.

Неожиданно он почувствовал, как боль от второй кости, всаженной в его сердце, стала тоже понемногу затихать. Что ж, он и Эли – белые, и оба не только из того общего для обоих мира, но даже с одного континента, а может и с одной страны. Но в этой ситуации, они выступали каждый сам за себя. Том не отправлял Эли в экспедицию, и никакой вины за ее положение не нес. Она же не подстроила неполадки в самолете, и не была за него виновна. Просто случайность, и двое как встретились, так и разошлись. В чем же проблема? Ему внезапно захотелось увидеться с Эли, чтобы побыстрее закончить спектакль и с полным облегчением вздохнуть. Но он решил не спешить, а обдумать все еще раз. Особенно свою роль в образе актера.

Он вернул цепочку мыслей назад, в самое начало, и прошел заново все этапы, пока они не закончились. Нет, он не нашел ни единого изъяна, кроме одного: кость Эли в его сердце опять разболелась. Его же кость практически исчезла. Хотя, после того как его отпустят, она снова появится, но это будет не сегодня, он это осознавал. – Что? – грозно спросил он вслух, обращаясь, скорее всего к своему сердцу. – Ты хочешь сказать, что я – эгоист? Удивило.... Я все-

гда был им. Тем более такова эта экстремальная ситуация. Я помогал всем другим? Сотрудникам, друзьям и просто людям, а теперь даже не пытаюсь? А почему ты так решило? Разве я не думал, не искал выход для обоих? Ты не вправе меня корить. Я просто не вижу другого выхода, и из двух спасаюсь хоть один. Ее не спасешь. Если ее оставят и пустят....? Но это же не наверняка, половина наполовину. Ты меня и за это коришь?

Вдруг Тому пришла еще одна мысль. Если сердце винит его именно за это, надо предложить, посоветовать Эли пойти сначала к шаману, и наврать ему с три короба. Мол, по ее линии у ее родителей, бабушек и прабабушек всегда рождались только мальчики. Что она была первой девочкой в семье, а потом пошли братья. Трое. Нет, пятеро. Ее первая в племени девочка была просто явным исключением, а все последившие мальчики было абсолютно естественным явлением. И оно так и будет продолжаться. Конечно, надо было как-то схитрить, чтобы тот не почувал подвох или давление. Но если он поверит, то даст вождю лишь один совет. А значит, ее больше не будут мучить, отведя просто прямо к реке. Эли хотела повеситься, и ее сегодняшняя боль показала, что в душе она не отбросила эту затею. Значит, это и есть выход. Он должен будет устроить ее. Как я раньше об этом не подумал?! – воскликнул он.

Прикинув в уме, что он думал и осмысливал все час, а может и больше, он направился к двери и ногой распахнул ее.

Его стражник как всегда был на своем месте.

– Вью, – громко сказал Том, а потом повторил еще раз, показывая рукой в воздухе, путь издалека, с той стороны поселка, до этого места, где сейчас стояли оба. Тот о чем-то задумался, а потом отвернулся и издал целую очередь опять же непонятных гортанных звуков в сторону, где жил вождь. Но Том все же уловил между ними слово Вью, и опустился на землю. В ответ послышался другой набор звуков, и охранник удовлетворенно повернулся к Тому и просто кивнул.

Девушка появилась из-за поворота уже через десять минут. По мере ее приближения, сердце Тома заколотилось. – Ничего, милое, – подумал он, – надо выдержать, а потом все кончится, и ты успокоишься.

Уже через пять минут Эли опять сидела перед Томом. Она грустно молчала, но не опускала головы. Скорее всего, то, что он ее позвал раньше времени, могло означать какой-то придуманный им шанс. Эли смотрела Тому в глаза, пристально и с надеждой. Но тот начал первым, не дожидаясь вопроса.

– Что-нибудь придумала? – участливо спросил он, не заметив, что опустил глаза. Начинался спектакль. Том уже знал ответ. Если бы он был положительным, она бы сама к нему пришла, без зова.

– Нет, Том. Хотя поверь, все это время я думала. А ты? – Том попытался поднять глаза, но они явно бегали по сторонам.

– Я все обдумал, но... Ничего. Вернее, то, что я тебе предложу, может показаться кощунственным.

– Да говори же ты! – Нетерпеливо наклонилась она к нему.

– Эли, у нас нет выхода, вернее у меня, да и у тебя тоже.

Я все продумал, но ничего не нашел. Поверь, мне очень тебя жаль, да и себя тоже. Мне придется умереть, я даже уже с этим свыкся. Но... – он не знал, как это произнести, – как я понял, тебе грозит или смерть, или что-то гораздо хуже. Что бы ты выбрала? Подумай, от твоего ответа будет зависеть мой совет.

– И ты меня спрашиваешь? – возмущенно удивилась та. – Все пять лет я думаю, как же покончить с собой, и ты этого еще не понял? Я жду этой возможности и моя единственная мечта, этого дожидаться. Я знаю, сбоя не будет, это мой последний шанс. Так что ты хотел сказать?

Том старался изо всех сил подбирать слова и интонацию, пересказывая свой план насчет Эли, то есть пойти к шаману, наврать ему, а потом вождь просто примет единственное решение. Но как он не пытался, ему так и не удалось ни минуты смотреть девушке прямо в глаза. Окончив, он очень глубоко вздохнул и опустил голову.

Наступило молчание. Его прервала Эли.

– Неплохой план, – неожиданно произнесла она, – почему я сама об этом раньше не подумала? Том, Бог дал мне в возрасте Христа тебя, а ты – этот план. И это – прекрасно! Я сделаю все, чтобы он сработал. Он не может провалиться.

Значит оба? А может, нас двоих вместе поведут к реке? Это было бы здорово. Я не то, что не боюсь умереть, а просто жажду этого. С тобой похуже. Ты не перенес того, что перенесла я, и жажда смерти тебе не может быть свойственна. Наоборот, ты бы должен цепляться за жизнь всем, чем можно. Но, если нет надежды выкарабкаться, то... Не удивляйся, но все это время я думала только о тебе, ведь это глупо с твоей стороны умирать....

– Знаю, – перебил ее Том, и сердце его застучало опять, – я просто представил, что тот мой самолет разбился вместе со всеми пассажирами, погибли все, в том числе и я. Несчастный случай, и только. Мне стало немного легче.

– Держись, Том, и огромное тебе спасибо. – Он почувствовал, как та поцеловала его в лоб. – Пойду готовиться к разговору с шаманом, мне действительно надо его убедить. Значит, есть надежда, что к реке нас поведут вместе? – спросила она немного веселым голосом и Том вздрогнул. Эли поднялась и пошла, а он вернулся в свой сарай.

– Странно, – подумал он, – в ее разговоре не прозвучало ни одной нотки сомнения, что его поведут к реке. Может, это не был спектакль с ее стороны? Может она чего-то не досказала? И почему он не задал ей этот вопрос? Что-то здесь неладно. Или я просто чего-то недопонимаю. Но чего? – Он лежал опять на подстилке и думал. Опять, как и вначале, болели уже обе кости, воткнутые в сердце. У него появились явные сомнения, что его отпустят. Да, это были просто со-

мнения, но как он их не пытался отогнать, они, исчезая на секунды, появлялись опять.

Его отвлёк стук в дверь, и Том поднялся и вышел. Это была Эли, и, причем в каком-то возбужденном состоянии.

– Том, у меня возникла мысль. Я думала над твоим планом, готовилась, но вдруг.... – она опустилась на землю. То же самое сделал и он.

– Говори, – уже нетерпеливо попросил он. – Пусть это будет нелепо или фантастично, только не молчи.

– Твоя идея была прекрасна. Была и есть. Но на фоне ее у меня появилась другая. Извини, она дерзкая и покажется тебе эгоистичной, но попробовать можно, если ты конечно согласишься.

– Соглашусь ли? – не вытерпел Том, – ты что, в игрушки играешь?

– Нет, что ты! – Эли отпрянула. – Ладно, я тебе расскажу, а решать тебе. – Она пыталась сосредоточиться. – Это твой план, только дополненный. Да, я пойду к шаману, и скажу все, что ты мне посоветовал. Нет, не так. – Она сбилась, но потом продолжила. – Я скажу, что у меня три сестры, и моя первая дочка здесь в племени была естественным явлением, а вот последующие сыновья – исключением. Я совру все наоборот, что по моей линии всегда были девочки. Я дам ему понять, что моей вины нет, и не было, что во всем был виноват вождь. И....

– Тогда он посоветует вождю пустить тебя по рукам, – пре-

рвал ее Том. – Ты этого хочешь?

– Нет, послушай меня. Я скажу, что долго с тобой беседовала, а это – правда. Что ты ни охотник, и ни воин. Но у тебя шесть сестер, и по твоей линии всегда рождались девочки, только ты один был исключением. Если он поверит, я добыю его. Я постараюсь убедить его, что если свести нас обоих, то гарантия рождения девочек естественна и неотвратима. И если он поверит, то мы оба останемся живы, шаман убедит вождя. – Эли смолкла.

– Как это, свести нас? – не сразу понял он. – В смысле....

– Да, Том. Я была бы рада этому. Поэтому и сказала, что вопрос только в тебе.

– Эли, – Том даже зажмурился. – Я никогда не был женат и у меня нет детей. Я тебя вообще не знаю. Твое предложение я не назвал бы бессмысленным, но спать с тобой после всех этих обезьян, а потом еще и иметь общего ребенка.... – поверь, это не так просто. К тому же, может родиться мальчик, а значит, у нас будет только девять месяцев свободы, вернее жизни, свободой это не назовешь. И что тогда? – Он с трудом поднял глаза и посмотрел на девушку.

– Я могу ответить лишь на последние вопросы, – грустно сказала она. – Девять месяцев, для двоих разумных белых интеллектуальных людей, это большой срок. К тому же, может родиться девочка, а это еще несколько лет, даже не знаю сколько. Нам придется тогда зачать еще одного ребенка. А там будет видно в зависимости от того, кто будет рождать-

ся. Не знаю как ты, а я верю в чудеса. Не может быть, что даже за девять месяцев мы не сообразим, как отсюда свалить. А насчет близости, это конечно решать тебе. Ты же знаешь, это никогда и никому не откроется. Ни одного ребенка нам не отдадут. А если мы выберемся, кто узнает, что здесь было между нами?

– Кто? – удивился Том. – Если мы и выберемся, мы сами будем знать, что здесь было. Эли, дорогая, – он постарался говорить ласково и мягко, – у меня особенный характер. Да, я спал со многими, но узнав, со сколькими они спали до меня, мне становилось противно, и я рвал все концы. Я знаю, что это не твоя вина, и я бы даже не заметил, что ты спала с мужем. Но ты несколько раз лежала под этим орангутангом, ты не представляешь, как мне... – он не находил слов. – К тому же, ты могла подцепить любую грязную болезнь...

– Том, но ведь дело идет не о болезнях, ни о твоём характере, а о двух наших жизнях! – Эли была готова сорваться на крик. Неожиданно она вскочила на ноги. – Да пошел ты знаешь куда? Чистюля нашелся. Девственник. Тебя бы хоть на пять минут положить на мое место, посмотрела бы, что с тобой стало! Тебя можно назвать мужчиной? Ты похож на него, но только внешне. Внутренне ты не лучше этих обезьян! Господи, кого ты мне послал! – Она сложила руки вместе, как в молитве и подняла голову к небу.

– Эли! – Том резко поднялся. – Разве я сказал тебе нет? Зачем меня унижать? Я просто сказал, что надо подумать.

Что в этом такого? Извини, что у меня такой характер, но он же был в том мире. Ты – женщина. Ты можешь понять, что если я не сломаю свой характер сегодня, у меня просто ничего не получится? Сомневаюсь. Ты знаешь мужской механизм? Ты знаешь, что такое, когда не встает? Нет, не из-за отсутствия влечения, ты мне нравишься. А именно из-за дурного характера? Может из-за моих же дурных предрас-судков? Я могу прыгнуть с парашютом, сломать ветку, до-браться вплавь или высказать умную мысль. Но я не могу по-влиять на свой механизм, потому что он регулируется толь-ко головой, и тем, что в ней устоялось годами. Дай мне вре-мя, и я отвечу, скорее всего, положительно. Но если у меня ничего не выйдет, нас обоих отведут к той же реке уже наут-ро. – Том выдохся.

– Извини, – тихо сказала Эли. – Думай, конечно. Только уже через полчаса я должна быть у шамана. С любым из двух вариантов. Не мне решать с каким. Я пошла, если что – зо-ви, если успеешь. – Она развернулась и медленно пошла об-ратно.

– Эли, вернись! – крикнул Том. – Ты можешь посидеть тут минут десять? Тут, где угодно, только снаружи. Я буду внутри, но выйду и скажу тебе все как есть, обещаю.

– Могу, – равнодушно повернулась она. – Но только де-сять минут.

Том пнул дверь и вошел в свой сарай. – Боже, помоги, – сказал он вслух.

Сама идея была заманчивой, и он этого не отвергал. Вместо смерти двоих, или одного, появился шанс остаться на девять месяцев живыми обоим. Эли была права, это бы срок, и он мог быть продлен еще на годы, хотя Том был согласен, что и за девять месяцев можно дать деру отсюда. И если его оставят в джунглях одного, это не одно и то же, если они будут вдвоем. Но, взять на себя ответственность иметь детей? И если это будет мальчик, представлять, как того кидают в реку? И спать с женщиной, которую десятки раз имел тот мерзкий орангутанг? – Он вздохнул. Да, ее насильовали, и она ни в чем не виновата. А если бы ее действительно изнасиловало бы племя настоящих обезьян, животных джунглей? Или банда подростков в том же городе, откуда она приехала? Какая разница и есть ли она? Эли не выбирала насильников, и уж конечно все это для нее было страшным сном. Она была сильной, вернее, сильнее, чем любая из его прошлых подружек. Она и хотела быстрее умереть, и цеплялась за жизнь. Пять лет такой жизни! Наверное, электрический стул ей был милее в этот момент. А он? А что он? Он действительно был готов помочь ей, ей и себе тоже. Но его запросто могла подвести и голова, и сморщенная сосиска между ног. Значит, дело в голове? Да, ей было как-то противно совокупляться с этой девушкой, зная ее прошлое. А значит, и сосиска так и останется сморщенной. Хотя, шанс есть, но совсем небольшой. Он не сможет изменить голову за десять минут, это было нереально. А если на время просто отключить голову? –

подумал он. – Если удастся, будет просто физическое действие с естественным концом, но как ее отключить? А может Эли знает какие-нибудь напитки, которые употребляют шаманы перед ритуалами? Их сознание уносится куда-то ввысь, а тело остается на земле, даже не покачивается. Такое он тоже видел по телевизору. Это был бы выход, только если такое здесь есть. – Ладно, – решил он, – будь, что будет. – Он встал и направился к двери.

– Согласен, – сказал он, как только девушка поднялась. – Иди к шаману, только вот что. Спроси, может у него есть какое-нибудь зелье, которое хоть на полчаса отключает голову, но не тело? Скажи ему, соври, что у меня были другие женщины, непохожие на тебя, и что мне не помешало бы забиться в какой-то момент.

– Том, ты – импотент? – осторожно спросила та.

– Нет, и никогда им не был. Просто это действительно какой-то сбой в моей голове, поверь, я сказал тебе правду.

Эли вздохнула, но с облегчением.

– Тогда мы еще увидимся. Не знаю где, как и в какой роли. И спасибо тебе, Том. Извини меня.

– Ты меня извини, – Том поднял глаза. – И удачи!

Он опять следил за уходящей девушкой, пока она не исчезла из виду, а потом вернулся в сарай. Оставалось просто ждать заката солнца.

Глава 9. Задание

Том проснулся от какого-то назойливого солнечного лучика, буравящего его прямо в левый глаз. Открыв оба глаза и повернувшись, он увидел только темноту. Еще через пару минут он уже сел и осмотрелся. Он был в том же вигваме, в который вошел вчера после ужина, и кроме него сейчас в нем никого не было. Сознание, или память постепенно возвращались к нему, и он почувствовал, как душно было в этом помещении. К тому же, он сидел сейчас на подстилке из каких-то листьев, но абсолютно голый. – Что же было ночью? – Спросил он себя вслух, напрягая память. Голова не болела, и тело было такое же, как и всегда. Он помнил ужин, потом как они с Эли вернулись, приход вождя и последнее, как он лег и почувствовал рядом тело девушки. После этого наступал полный туман. Он опять лег, и постарался хоть как-то его рассеять, хоть на мгновение, и кое-что ему все-таки удалось. Какие-то руки, блуждающие по его телу, а потом его руки, то же блуждающие, но уже по какой-то мягкой приятной коже. А потом все кончилось. Дальше туман уже плотно застилал глаза и память. Ему стало хуже, ведь он уже вспомнил все, что было до последнего момента, а вопрос, что и как было дальше, так и не был разрешен. Но в этот момент он был важен, как никогда. Справился ли он? – вот что волновало его на данный момент. – Если нет, это могло изменить

все, или очень многое. Ему стало грустно. Почему память не захватила еще хотя бы полчаса? Но в этот момент в помещение ворвался сноп света. На пороге согнувшись, стояла Эли и чему-то улыбалась.

– Привет, – хмуро сказал Том и поджал колени. – Ты не могла бы как-то закрепить эту шкуру, чтобы стало светлее?

– Привет, дорогой, – как-то особо ласково ответила она, и, повозившись, вошла вовнутрь. Свет попадал в помещение через большой треугольник на входе, и его было вполне достаточно для того, чтобы Том смог разглядеть валявшиеся неподалеку его трусы и майку. Он потянулся за ними, и грозно бросив взгляд на девушку, неуклюже натянул трусы, а потом уже спокойно надел и майку.

– Расскажи, – тяжело вздохнув, сказал он, – я помню только до того момента, как мы улеглись на подстилку. Чертово зелье! Или шаман не рассчитал, или мой организм совсем ослаб от последних событий.

Но эли молчала. Он просто подседа к нему, мягко обняла за плечи и заглянула ему в глаза. Тому немного полегчало: ее глаза светились, а губы заметно излучали таинственную хорошую улыбку.

– Не молчи, – попросил он, – скажи, получилось? Что было потом?

– Спасибо, Том, – почти шепотом ответила она. – Получилось. И мне впервые за последние пять лет стало радостно

на душе. Я с ней проснулась, и эта радость до сих пор сидит где-то глубоко внутри меня.

Том неожиданно вздохнул так глубоко, что выдох занял, наверное, полминуты. Будто гора свалилась с плеч, а сердце забилося с каким-то приятным облегчением. Он сразу же убрал свой взгляд и направил его в пол. Почему-то ему стало очень стыдно. Странное явление, – вдруг подумал он, – когда он просыпался с какой-то новой девушкой наутро, ему было хорошо и весело, и он сам заглядывал ей в глаза, пытаюсь прочесть, понравилась ли ей ночь. Сейчас же ему было действительно стыдно, хотя ее ответ сбросил невероятный груз, с которым он проснулся, и винил во всем свою память.

– Что, Том? – услышал он ее шепот. – Что-то не так? У тебя получилось, по крайней мере, один раз. А потом ты просто лег рядом и отключился. Через час вождь приказал мне продолжить, но это было уже бесполезно. Он сам убедился в этом, подойдя к тебе, и просто ушел, крикнув на прощание, что сегодня в то же время он придет опять. Нет, он не рассердился. Все хорошо, ведь, правда?

– Да, – как-то рассеянно и безразлично ответил Том. – Слава Богу, что хоть как-то. – Глаза он так и не поднимал.

– Том, подожди, – она попыталась пересесть, чтобы увидеть его лицо, – мне не нравится твой тон. Ты в чем-то меня винишь? Или себя? Скажи же? Мне становится тревожно на сердце. Что случилось, а?

– Ничего. – Пожал он плечами. – Мне просто стыдно смот-

реть тебе в глаза. Для этого есть уйма поводов.

– Каких? – Эли спросила очень вкрадчиво, не убирая рук с его плеч.

– Всяких. Например, с девушками, с которыми я спал, я всегда предпринимал все меры предосторожности, чтобы та не забеременела. К тому же я знал их до постели хотя бы пару недель, а то и гораздо больше. Этой ночью у нас была какая-то случка, низкая, заранее договоренная, как у уличных собак. Это немного мерзко, вернее очень низко. И что я имею на сегодняшнее утро? Да, каким-то чудом я что-то смог сделать. Но теперь, я могу стать отцом моего первого в жизни ребенка. И от кого? От женщины, которую я знал до постели всего один день, нет, даже меньше. Кто она, и почему именно ей предстоит стать матерью, после этой ночной случки? Она была замужем, потом попала в экспедицию, ее взяли в плен, и пять лет ее насиловала черная обезьяна. И не просто, а она родила ему четверых детей. К сожалению, это все, что я о ней знаю. Послушай, – он попытался поднять глаза, – я ни в чем тебя не виню. Ты – симпатичная, и я знаю, что все, что я сейчас сказал, вернее вся чернота, не зависела от тебя. Все это было насилием, и ты ничего не могла сделать. Поэтому, если тебя что-то покорило, прости меня. Просто я попытался объяснить тебе честно то, что у меня сейчас варится внутри.

– Спасибо, Том, – Ее голос стал грустным. – Просто за честность. И не проси у меня прощения. Если посмотреть

на все, что случилось твоим взглядом, я не могу оспорить ни единого твоего слова. Да, это была ночь по договоренности. Да, я могу стать матерью нашего с тобой ребенка. И конечно мы знали друг друга до этой ночи лишь несколько часов. В чем ты не прав, что бы извиняться? – Она молчала, но рук не убирала.

– А ты что чувствуешь? – после долгого перерыва спросил Том полусшепотом.

– Я? – Девушка задумалась. – Наверное, просто радость. Самую обычную, в голове и на сердце. Наконец, после стольких черных лет, я, может быть, смогу стать настоящей матерью. Мой ребенок будет настоящим, от белого мужчины, который мне симпатичен. И он родится белым, как ты и я. И у меня впереди вдруг встало солнце надежды, которое я потеряла уже давно, и даже перестала мечтать когда-нибудь его увидеть. Что я чувствую? Что Бог есть на свете, и он подарил мне тебя. Не знаю насколько, но даже один день – для меня это кусочек счастья. И надежды тоже. Надежды на то, что мы сможем вырваться отсюда, желательно вдвоем. А еще было бы лучше, чтобы втроем, с нашим малышом или малышкой. Конечно, тебе это покажется смешной фантазией, но мне этого жутко хочется, и раз есть хоть слабый лучик надежды, жизнь становится совсем другой. Я радуюсь своим чувствам, и печалюсь о твоих. – Эли вздохнула.

– Не печалься, – Том вдруг поднял глаза. – Это у меня пройдет. Если я тебе чем-то помог, или смогу помочь,

для меня этого будет достаточно. То, что произошло, просто не укладывается еще в моей голове. Поэтому я и чувствую стыд. Он пройдет, Эли, он пройдет. Все хорошо. – Том постарался тоже обнять ее за плечи. – А что насчет шамана? Он переборщил с дозой?

– Не знаю. Я не использовала весь тот лист, только его третью часть, как он и сказал. Сейчас я понимаю, насколько он хорошо знает вождя. Еще до того заседания, он уже предположил, что этот сок понадобится тебе на три ночи, иначе бы он не сказал мне разделить его на три части, или дал бы только часть листа ровно на ночь. Переборщил ли? Может он рассчитывал на себя, как этот сок действует на него, а он к нему привычен. А может быть и другое. Он ведь не знал, как и что ты будешь чувствовать в эту ночь. А все, что у тебя пролетело за вчерашний день, естественно тебя ослабило. Я бы последовала его рецепту, и в ночь, которая наступит сегодня, не меняла бы дозу. Том, ты ведь не изменил своего решения? – Осторожно спросила она.

– Нет. Не знаю. Нет, Эли. – Наконец, с уверенностью сказал Том. – Если дело начали, его надо закончить, а там будет видно. И не сбавляй дозу. Хоть на один раз она помогла мне.

– Спасибо. – Шепнула девушка. – И еще, дорогой. Мы не знаем друг друга, ты прав. Но у нас есть девять месяцев, чтобы это сделать. Когда пройдут эти обязательные три ночи, у нас будет куча времени. Мы познакомимся, расскажем друг о друге. Я уверяю тебя, что мне нечего скрывать, я рас-

скажу тебе все, абсолютно все о себе, и честно отвечу на все твои вопросы до последнего. Может, и ты сделаешь то же самое. И тогда этот этап закончится, и начнется следующий. Мы будем готовиться к побегу, только уже не в роли незнакомцев, а хорошо зная друг друга. Извини, может, я в чем-то неправа, или опережаю события?

– Нет, Эли, это – хорошая мысль.

– У тебя есть второе имя? – неожиданно спросила она воспрянувшим голосом, без какого-то шепота.

– Второе имя? – Удивился Том. – Вильям. Или просто Вилл. Так называли меня в школе. А что?

– Просто, когда этап знакомства пройдет, мне хотелось бы как-то забыть о прошлом, и начать новую жизнь. Том и Эли всегда будут напоминать нам обоим о том, что случилось. А вот Лиза и Вилл, это будет чем-то новым, будто мы станем другими людьми, хорошо знавшими друг друга, старыми друзьями, или что-то вроде этого.

– А ты – фантазерка! – Неожиданно улыбнулся Том. – Пусть так, если тебе будет легче.

– Будет, – заверила она. – Когда-нибудь, когда ты назовешь меня Лизой, а я буду звать тебя Виллом, и мы начнем все сначала. – Неожиданно она повалила его на подстилку. – И я хочу, чтобы ты это знал, – зашептала она ему на ухо, – мне было хорошо прошлой ночью. Хорошо и спокойно. И я благодарна тебе за это.

Тому стало как-то приятно, он чувствовал, как его мозг

и тело расслабляются сами по себе, а в их вигваме наступило молчание. Они лежали рядом и, наверное, думали каждый о своем. Постепенно его глаза стали закрываться, и Том понял, что может сейчас просто заснуть. Ему показалось, что Эли уже спала, и он аккуратно попытался убрать ее руки.

– Встаем? – неожиданно спросила она шепотом.

– Да, Эли. Честно говоря, я чуть не уснул.

– Я тоже, – шепнула она. Оба поднялись и сели.

– Расскажи мне, что делается там, снаружи, – попросил он. – И вообще, какой у них распорядок дня? В смысле поесть и все другое. А попить можно?

Девушка подползла к входу, протянула руку, и вернулась с половиной кокоса. – Это – вода. Кокосовое молоко бывает только вечером, – сказала она, подождав, пока Том напился.

– А вода откуда? – спросил он. – Надеюсь не из реки или болота?

– Здесь недалеко есть родник. Вода чудесная, разве нет? – И не дождавшись ответа, продолжила. – Завтрака здесь нет и не было. В полдень собираются девушки и женщины, и в сопровождении половины воинов идут в джунгли. Там они срывают банановые гроздья, взбираются высоко и бросают кокосовые орехи, и собирают все съедобные плоды, которые встречаются им по пути. К трем часам все возвращается, и обед состоит из тех самых плодов, которые они принесут. Их не так уж и много, только в племени нет охотников. Те уходят рано утром и возвращаются засветло вечером. Они

не обедают, или просто по пути тоже срывают какие-нибудь плоды. Зато, они плотно ужинают, по два куска мяса, вместо одного. В женский отряд меня не берут, не доверяют. И обе-
дать тоже не позволяют. Ну и пусть, – улыбнулась она, – зато
я сохранила фигуру, а они – нет. Хотя ты знаешь, может я
тебе, и нравлюсь, но они смотрят на меня с таким же презре-
нием, как и мы на них. Если бы вождь созвал всех мужчин
и спросил, кто хотел бы провести со мной ночь, ни один бы
не согласился по своему желанию. Они любят толстых жен-
щин, и, естественно черных, с громадными грудями и обе-
зьяним лицом. Мне кажется, что и ты вызываешь у местных
женщин такое же пренебрежение.

– Да, я это уже заметил. Вот и хорошо, никто приставать
не будет. Так что мы будем делать весь день? – спросил он.

– Ты имеешь право на обед.

– Тогда я принесу и тебе. От фруктов не поправляются.

– Вот спасибо! – рассмеялась девушка. – Что делать? На-
верное, просто разговаривать. Больше заняться нечем.

– А как насчет пропуска? Вернее, что нам дозволено
в смысле территории?

– Ты можешь свободно ходить по всей деревне, не углуб-
ляясь в джунгли, то есть за ее территорию. Я могу отходить
от нашего жилища метров на десять, не больше. Дальше,
только если меня позовет вождь или шаман.

– А как же насчет туалета? – Тому стало неловко.

– За каждой хижиной, удаляясь к джунглям, на границе

есть выкопанная яма. Вот и весь туалет. Извини, туалетной бумаги нет, но ты можешь протянуть руку и сорвать несколько листьев. Понимаю, но я уже привыкла.

– А здесь вообще моются?

– Примерно раз в месяц здесь есть выходной день. Сначала мужчины, а потом женщины группами идут к реке икупаются.

– А мыло? – удивился Том. – Хотя какое мыло здесь в джунглях.

– Есть какое-то место, откуда приносят что-то типа глины. Она и заменяет мыло, и, кстати, неплохо, я сама в этом убедилась. Наверное, только я – исключение. Почти каждый день под вечер я иду в туалет с водой в кокосовой чаше, и там моюсь, правда без мыла и глины. Меня всегда сопровождает охранник, но близко не подходит, держит в пределах видимости. Не знаю, заметил ли он, что я моюсь или нет, но я делаю это уже пять лет и пока мне никто ничего не сказал.

– Молодец, – почему-то похвалил ее Том. – От тебя нет и намек на тот запах, который сопровождает этих обезьян. Иногда даже тошнит. Я тоже буду делать как ты.

– Вот спасибо! – опять рассмеялась девушка.

День прошел быстро. Они провели его в основном сидя или лежа на траве возле их вигвама, и только в разговорах. В обед, то есть после трех часов, Том принес кучу бананов и других плодов, они раздавались там же, недалеко от костра, где готовился ужин. Часы, или время, определяла Эли,

и точно таким же способом, как и все остальные: по солнцу и отбрасываемой деревьями тени. Разговоров было так много, что к вечеру у Тома уже заболел язык. В основном спрашивал он, и только о повадках, привычках и законах в племени. Эли охотно все рассказывала, не задумываясь. Только один раз был не совсем обычным.

– У вождя в племени есть враги? – спросил как-то Том. – Может шаман, или кто-то другой? Я назвал шамана только потому, что он нам помог, и к тому же, он умнее вождя. – Тут Эли задумалась и надолго.

– Насчет шамана я не думаю, – наконец произнесла она. – Он старше вождя и умнее, это да. Но я знаю его лучше. Мне кажется, что его место вполне его устраивает, а возраст уже не тот, чтобы брать правление в свои руки. Я вот подумала и остановилась на двух охотниках. В племени все почитают вождя и выполняют любое его желание беспрекословно. Эти двое ничем не отличаются от других на первый взгляд. Но они одни из старших охотников, самые опытные, и иногда ведут себя за ужином так сказать немного наглее, чем остальные. У них всегда вид превосходства над всеми остальными, кроме естественно вождя и шамана. Не знаю, что у них в голове, но по виду они считают себя значительными людьми в племени. И, если с вождем что-нибудь случится, я не сомневаюсь, что кто-то из них займет его место. Других кандидатур я просто не вижу или не заметила.

– Ну и хорошо, – удовлетворенно сказал Том, – может нам

это когда-нибудь и пригодится.

Ужин повторился, как и вчера, без единого отклонения. Кокосовое молоко было выпито, и оба направились к виг-ваму. Появился и вождь. Только эта ночь была не похожей на предыдущую.

Глава 10. Внезапное продолжение

Том не знал и не спросил, изменила ли Эли количество сока из того листа шамана. Но проснулся он утром раньше обычного, и девушка еще спала рядом. Он вспомнил многое, гораздо больше чем вчера. Первый раз он помнил вообще отчетливо, даже запомнил ее лицо, когда она вскрикнула в конце. Потом он отдыхал, а туман хоть и подступал, но какими-то обрывками. Он вспомнил, что вождь что-то сказал в их сторону и понял, что это был знак к продолжению. Он опять придвинулся к девушке и повернулся. Только вот потом все прекратилось, то есть туман забрал его с собой. Был ли второй раз или не был, его уже интересовало не так как вчера. Если вождя удовлетворил хотя бы один раз, то Том был уверен, что это задание он выполнил. Значит, не было о чем волноваться. Ему стало как-то хорошо и безмятежно. К тому же, он помнил свои ощущения, хотя бы в тот первый раз, и они были очень приятными.

Вскоре проснулась и Эли, сразу повернувшись к нему сияющим лицом.

– Тссссс, – приложил он палец к ее губам, – не говори ничего. Я помню все, что было в первый раз, хотя потом, мне кажется, что я вырубился. И мне было приятно, Эли, я хочу, чтобы ты это знала. И твое лицо.... Мне кажется, что нам обоим было приятно, поэтому не надо никому говорить

спасибо.

– Ладно, – просто расцвела она. – Только был и второй раз. Ты сделал еще один шаг вперед. А потом действительно вырубился.

– Ты меняла дозу?

– Нет, клянусь. Просто вчера мы весь день отдыхали.

– Да, это так. – Том безмятежно вздохнул, повернулся и поцеловал ее в лоб. – Ты знаешь, тот клин, ну этот, в моей дурной голове, он становится меньше. Наверное, я – молодец, но без твоей помощи этого бы не произошло.

– А может без помощи того листа, который мне дал шаман? – Эли посмотрела ему в глаза.

– Может, но твоя помощь все же была, и большая.

– Спасибо, Том. – Она поднялась. – Нам осталась последняя ночь. Я даже не говорю о прошлой, но если мы повторим хотя бы первую, то считай, что мы справились, вернее ты.

– Мы, – поправил ее Том и тоже поднялся. Рукой он нащупал трусы и майку и, не стесняясь, оделся прямо рядом с подстилкой.

День повторился, и, так же как и вчера, в разговорах. Эли не задала ни одного личного вопроса, и он понял, что узнавать друг друга они будут после этой последней ночи. Вернее, тема разговора изменится уже завтра. А пока он слушал и впитывал все, что та рассказывала ему о племени.

К вечеру его вопросы просто иссякли, и Тому показалось, что он живет в этом поселке уже не меньше месяца, так хо-

рошо он его узнал со слов Эли.

Повторился и вечер, и сама ночь. Том продвинулся, но не на шаг, а чуть меньше. Он запомнил четко первый раз, и начало с продолжением второго, но в конце его опять отключило. Утром его разбудила Эли, она просто трясла все его тело.

– Том, ты справился! – просто ликовала она. – Проснись, мне надо с кем-то разделить эту радость.

– Мы справились, – широко улыбнулся он. – Мы, Эли, дай я тебя поцелую. А в губы можно? Это будет нашим заключительным поцелуем, мы его заслужили.

– А тебе не будет противно? – вдруг поникла она.

Том обхватил ее голову и прильнул к ней губами. Поцелуй был долгим и обоюдным. И он был хорошим, ведь Том не почувствовал никакого прилива другого желания. Просто целовались два человека, которым удалось справиться с какой-то очень важной для обоих миссией.

– Теперь мы свободны, милый, – сияла та, после того, как они опять лежали рядом. – На целых девять месяцев!

– А ты уверена, что забеременеешь? – с сомнением вдруг спросил Том.

– Уверена ли? – девушка вдруг задумалась. – Наверное, хотя это трудно объяснить. Мой цикл сейчас как раз на самой удобной точке для этого. Но дело даже не в этом. Я просто не могу поверить, что все, что так хорошо закончилось, может превратиться в полную неудачу. Бог не позволит та-

кого, иначе он не дал бы мне тебя. Наверное, это трудно понять. Но все же я уверена. А результат будет уже через пару недель. А через месяц всем станет ясно, что я от тебя беременна. Другого можешь и не ждать.

– Ладно, – улыбнулся Том. – Согласен. Так и должно быть. Тогда нам надо все это как-то отпраздновать, ты согласна?

– Конечно, – опять улыбнулась та, – но как?

– Не знаю. Может, потанцуем или что-то споем. К сожалению, здесь нет ресторанов, иначе я бы тебя пригласил.

– Я не умею танцевать, никогда не училась, а петь – тем более. – Эли улыбнулась. – Но мы можем вытащить постилку из вигвама и лечь у всех на виду, загорая и рассказывая анекдоты. Хоть не намного, но необычнее.

Так они и сделали. Солнце еще не дошло до самой высокой точки, значит, было около одиннадцати. До трех, вернее до обеда, у них было четыре часа. Их охранник ничуть не удивился такому расположению, и даже сел на землю, не выпуская из рук копья. Ему тоже было неплохо.

Они рассказывали друг другу анекдоты часа два и смеялись от души. Иногда в каком-то порыве он ее обнимал и тут же отпускал, иногда это делала она. Самое главное, оба были радостны, если не счастливы.

Но внезапно, откуда не возьмись, появилась тень, и к их охраннику подошел другой. Он что-то ему сказал, а тот передал Эли.

– Нас зовет вождь, причем обоих, – похолодевшим голо-

сом сказала та. – Не нравится мне это.

– Не загадывай, – хмуро сказал Том и поднялся, протянув ей руку.

В сопровождении двух охранников они пошли к знакомому шатру вождя. Там охранники их оставили, после того, как оба вошли вовнутрь.

Вождь был один и восседал на своем обычном месте. Он сделал знак приблизиться, а потом уже на середине, другим знаком остановил их. Освещение было тем же самым, все было так же, как и всегда, только этот орангутанг долго и молча, смотрел на обоих. Наконец, он что-то сказал.

– Он сказал переводить тебе, и что дело меня не касается. – Напряженно шепнула Эли.

Наконец тот заговорил, делая мимолетные паузы. Его речь была долгой, но лицо менялось часто, видимо, что-то было серьезно. – Так почувствовал Том. – Последнее высказывание заканчивалось явно вопросом.

– Боже милый, Том! – Эли была готова сорваться. – Он хвалит себя за дальновидность и немного тебя за то, что ты справился и не подвел его. И он говорит, что его дальновидности и мудрости нет конца. Короче, ты заслуживаешь его подарка, а он заслуживает своей безмерной мудрости. Том, он дарит тебе ночь местную девушку. У нее тоже были девочки, хотя только две, а все остальные – мальчики. Он хочет продолжить опыт и вечером после ужина меня переведут в другую хижину, а к тебе придет она, и он опять же будет

присутствовать. Том, милый, неужели ты пойдешь на это? Он ждет твоего ответа. – Голос Эли дрожал, вот-вот она была готова разрыдаться.

Тому стало не по себе. Переспать с обезьяной? К черту! У него не получится, в этом он не сомневался. Но отказать вождю в такой щекотливой ситуации было рискованно, и это он так же отчетливо осознавал. Ему могла помочь только Эли.

– Слушай, я никогда с этим делом не справлюсь, даже нет сомнений. Но как ему отказать? Ты лучше знаешь....

– Том, ему нельзя отказывать, – еле сдерживаясь, прошептала та. – Ты должен поблагодарить его, и, может сослаться на что-нибудь. К примеру, что ты никогда не спал с черными....

– Так и сделай, Эли, придумай что-нибудь, а я ему поклонюсь за подарок. – Прервал ее он.

Та на секунды задумалась и что-то заговорила. А Том, сделав низкий поклон, наблюдал за реакцией вождя. Сначала тот благосклонно просиял, а потом чему-то удивился. Но когда Эли закончила, он опять улыбнулся и что-то коротко сказал, пару предложений. После этого, также улыбаясь, он дал знак рукой, и Эли повернулась к выходу, а Том пошел за ней следом.

Только очутившись на улице, девушка дала волю слезам, даже не замечая, что охранники удивленно на нее смотрят. Она рыдала на груди у Тома, и он не мог ее остановить, а по-

том просто отвел ее подальше от шатра. Наконец слезы иссохли, и Эли просто вздрагивала.

– Что? – осторожно спросил он, боясь новой волны рыданий.

Она не ответила, а просто взяла его за руку, и они направились к своему вигваму. Когда же они попали вовнутрь, Эли уже не плакала, а просто выглядела беспомощной и убитой, о чем-то все время размышляя.

– Что, Эли? – Том начал немного злиться. – Да скажи же, в конце концов, что тебе сказала та обезьяна?

– Том, это я виновата, – шепотом сказала та, и слезы опять появились на ее глазах.

– Не реви, – грубовато сказал он. – Просто переведи и все. Не будь нытиком.

– Ладно. – Она тяжело вздохнула. – Я наврала ему с три короба, объясняя, что тебе будет крайне трудно справиться с таким подарком. Но он только улыбнулся, и сказал, что мы не знаем, насколько он умен, и будет присутствовать не один, а с шаманом, чтобы тот поучился его разуму.

– С шаманом?! – не поверил Том. – Эли, мог ли вождь сам придумать это продолжение, ты же его лучше знаешь?

– Нет, – она покачала головой, – ему явно подсказал шаман. А значит, тот будет иметь при себе такой же лист. Вот увидишь, сначала тебя заставят выпить чашу кокосового сока.

– Скотина! – Том просто взбесился. – А я ему начал ве-

ритель. Дурак! Он играет на всех, демонстрируя, что у него тоже есть знания, и они только его, то есть, что он незаменим. Боже, куда я вляпался.

– Я так не думаю, – грустно сказала Эли, – в чем-то ты прав, но шаман хочет еще чего-то. Я думаю, что моя история, которую я тогда рассказала, о девочках и продолжении рода, подвинула его на мысль, что мой эксперимент можно попробовать и на других. Ему достанется почет вождя, если все закончится так, как надо. Им надо, – поправила она и всхлипнула. – Это все из-за меня, Том.

– Дура, – равнодушно ответил он. – Какая сейчас разница? Надо искать выход. Я чувствую себя последним идиотом, ведь мне предстоит насилие, вернее, не я буду насилловать, а меня, с помощью того же самого зелья. А уже потом да, насилловать буду я, ведь любая обезьяна, которую под меня положат, будет меня ненавидеть и презирать, и раздвинет ноги передо мной только из-за приказа вождя. Видимо тот похвастался шаману о наших отношениях, а для того это было положительным результатом в эксперименте с его листьями. И после этого, шаман и нашептал вождю эту новую идею. Хитер, сучий сын, задушил бы его. Кстати, если у меня не дай Бог получится с этой черной, нависает еще одна угроза. Если у тебя родится мальчик, а у нее девочка, на тебе поставят крест, а меня опять заставят с ней спать. А может и с другими тоже. То есть, продолжения девяти месяцев не будет. А вот ад мне гарантирован.

– Том, а ты точно не сможешь? – с надеждой спросила Эли.

– Без зелья, можешь не сомневаться. А вот с ним... Помнишь нашу первую ночь, и последующие? Я не помнил, сделал я тогда что либо, а оказалось, что да. Черт его знает, что это за зелье. В этом и есть вся беда.

– А случайно не выпить из чаши не сможешь? Разлить, или еще что-нибудь?

– Дураков нет, недаром будет присутствовать и шаман. У него наверняка много тех листьев.

Разговор закончился, и каждый думал о своем. Вернее оба думали об одном и том же, только разными мозгами. Время шло, и Том чуть не уснул. Прошло несколько часов, когда Эли вышла. – Обед, – слышался ее равнодушный голос.

– К черту. – Крикнул он ей.

Время шло, а Том так и валялся на подстилке. Иногда Эли возвращалась, а потом выходила опять. Оба не проронили ни слова. До тех пор, пока у него вдруг не начало что-то складываться в голове, и он даже присел. Через некоторое время он позвал Эли.

– Послушай, я тут подумал. Мы пропустили обед, таким же образом я пропущу и ужин, никто не заметит. Может зелье свалит меня на пустой желудок? – Он вопросительно посмотрел на девушку, и та немного приободрилась.

– Может, – сказала она. – А может, и нет. Вот если бы ты до ночи, вернее до того, как войти в этот вигвам и начать это

дело уже выпил бы одну дозу, то вторая тебя явно свалит.

– Молодец! – воскликнул он. – А ты можешь достать еще хоть кусок того листа? Дорогая, это самый классный выход! Я сделаю все, что они скажут, а потом они убедятся, что даже зелье не помогает. И я не виноват, и они вроде как бы попробовали. Получится идеально: помогает с тобой, и только с тобой. И никто не виноват. Разве нет? – Он впился глазами в ее лицо.

– Ты прав, только как я достану тот лист? Ты думаешь, что шаман – дурак? Я так не думаю. Не знаю, что можно ему еще навешать на уши, чтобы он мне поверил. К тому же, он может запросто разгадать наш замысел, ведь я приду к нему сегодня, и сегодня же он будет помогать в его же эксперименте. Нет, Том, идея отличная. Только я подумала о другом, может растение с этими листьями растет здесь, на территории поселка? Хотя бы одно. Если ты плохо его помнишь, я нарисую его на песке, тот лист, а сам ты сможешь убедиться, тот ли это или нет, по толщине и сочности. Тогда принесешь его мне, и мы удостоверимся. Тебя везде пустят.

– Обойти территорию? А сколько у меня есть времени?

– Часа три, потом будет темнеть. Разве тебе не хватит, милый? – Она просто умоляла Тома, но это было излишне.

– Тогда я пошел, – он развернулся, и вышел из вигвама.

– Подожди! – крикнула она ему в след, вылезла, и какой-то щепкой нарисовала прямо на земле форму листа. Он вспомнил ее, хотя видел лист целым лишь однажды.

Глава 11. результат

Яркое солнце слепило в глаза, но Том огляделся. Ближе всего было начать с этой части, а потом перейти в ту, где когда-то был его хлев, за поворотом. Видя, что тот удаляется, охранник что-то куда-то крикнул, а сам пошел следом за Томом. Когда тот обернулся, то увидел у вигвама уже другую обезьяну, но тоже с копьем. Он ухмыльнулся и прибавил шаг.

Дойдя по просеке до конца, он уперся в стену джунглей и остановился. Охранник явно заволновался, но Том развернулся к нему лицом и задумался. Он мог обойти поселок слева и справа, сейчас надо было просто выбрать, откуда начать. Справа была хижина шамана, он знал, что тот живет в самом конце, да и по виду самой хижины можно было бы догадаться. Тогда он решил начать слева и медленно двинулся вдоль джунглей. Всякой травы и растительности было много, а он был босым. Но больше всего его волновало другое. Лист не имел каких-то особых примет. Чем-то он смахивал на знакомый листик березы, только крупнее, мясистей, как алоэ и был более блестящим, как бы с восковым налетом. Упершись глазами в землю, он медленно ступал босыми ногами. Уже через пять минут ему почуялась какая-то вонь, и он поднял глаза. Впереди была обычная туалетная яма, как раз напротив первого с этой стороны жилища. Он подумал,

что впредь надо быть осторожным.

Прошел час пока он достиг поворота. Он много раз нагибался и срывал разные листья, но все было без толку. – Черт! – выругался он. – Если так идти, то времени не хватит. Он прошел лишь одну четвертую часть территории, а солнце уже заметно склонялось к горизонту. И что делать, продолжать за поворотом, или теперь обойти правую сторону уже пройденной части? Он все же решил продолжить, но шел уже быстрее. Многие растения, кусты и просто трава были ему уже знакомы, их листья он не проверял. Том искал что-то новое, чего он еще не видел.

Дойдя до конца просеки, он опять остановился и повернулся с досадным лицом. Солнце склонилось еще ниже, а ничего похожего на тот лист он так и не встретил. Но надо было спешить, и он прибавил шаг, но уже в обратном направлении, обходя поселок с другой стороны. Вера и надежда падали с катастрофической скоростью. На этой стороне все было то же самое, значит, шаман приносил это растение из джунглей или из какого-то другого места. Он даже не остановился, проходя свой вигвам, а Эли на улице не было, и он ускорил шаг. Наконец вдалеке он заметил знакомую хижину вождя, а это был конец. Не только конец просеки, а и их с Эли плана. – Все, – подумал он, – но я ведь сделал все, что мог. – Становилось темнее, и Том, отбросив мысль вернуться, пошел до конца. Проходя туалет шамана, ему стало совсем тоскливо, ведь до конца просеки оставалось метров

пятьдесят, или еще меньше. Да, он дошел до самого конца, но почему-то задумался. Ему показалось, что совсем недавно он прошел что-то непохожее, но не заметил этого. Том развернулся и пошел обратно. Лишь поравнявшись с последней туалетной ямой, он остановился как вкопанный. Туалет шамана вонял, но не так как остальные. Вот что его вернуло сюда! Он подошел ближе, и заглянул в яму. Кроме человеческого дерьма, там валялись какие-то высохшие листья, трава, даже обломок кустов, некоторые с еще зелеными листьями. Видимо они немного и заглушали запах всего остального.

Том сел на корточки и обернулся. Его охранник застыл недалеко с изумленным лицом. В яме было еще темнее, чем снаружи, и Том начал просто доставать и вытаскивать все, что попадало ему под руки, то есть растения и все такое. Конечно, он вымазался в дерьме, но старался не замечать этого. Сердце бешено колотилось, какое-то предчувствие овладело им, и лишь достав последнюю ветку, он уселся рядом с кучей того, что он только что достал. Опустить руку глубже он уже не мог, а сейчас начал все тщательно перебирать и рассматривать. Неожиданно он заметил в куче толстый зеленый стебель какого-то растения и потянул его. Он был около полуметра и сохранился даже корень. Но все листья с него были общипаны. Вернее, нет, последний, самый нижний лист был разорван, скорее всего, на стебле осталась какая-то его часть, примерно одна треть. Видимо таким его принесли, и из-за этого его и выбросили. Том пощупал его и сомнений не оста-

лось. Незаметно, он засунул весь стебель себе под майку, и, перебрав остальное, сбросил все обратно в яму. Потом он встал, и долго вытирал руки, срывая листья с ближайших деревьев.

– Господи! – радостно подумал он. – Это просто какая-то удача! Ну почему я не начал отсюда?

Он быстро направился в сторону своей хижины. Эли ждала его снаружи.

– Воды, – сразу попросил он, – если можно, побольше.

Эли дала ему единственную ореховую миску с водой и что-то сказала охраннику. Том отошел и начал мыть руки. Вскоре к нему подошла Эли, и поливала его руки из другой миски, так было намного удобней. Потом он отошел подальше, и, срывая листья, тщательно обтерся, но понюхав руки, он нагнулся, и сорвал какую-то цветущую зонтиком траву. Он знал ее, она очень сильно пахла. Протерев и ей все руки, он сразу же вошел в вигвам, а девушка последовала следом.

– Вот, – достал он стебель, – это то, что надо? Только не спрашивай, где я его взял, здесь они не растут, это точно.

– Это он, – ее руки задрожали, – а других листьев не было?

Том чуть не выругался, но просто промолчал. Знала бы она, как ему удалось хоть это.

– Ты молодец, – шепнула Эли, – похоже на разовую дозу, один в один, я же помню.

– Значит, дело сделано? – спросил Том, облегченно вздохнув.

– Почти, – задумалась девушка. – Нам осталось только разгадать последнюю загадку.

– Какую, Эли!?! – он даже привстал. – Что ты еще за это время надумала?

– Том, ты молодчина, только не кипятись, послушай меня. Я буду говорить только факты, опираясь на недавний опыт. Без дозы ты неспособен, согласен? С дозой – способен. С двумя дозами, скорее всего не способен. Разве не так? – Она посмотрела ему прямо в лицо.

– И что? – Не понял он. – Наверное, так, но к чему все это?

– А если тебе не дадут ничего пить перед началом, ты не думал об этом? Может они сначала захотят посмотреть, не получится ли у тебя натурально и естественно? В тебе останется одна доза, которую ты получишь от меня заблаговременно, а это, если и не полный провал, то очень близко к этому. Ты же придешь уже с одной дозой. А если придешь без нее, то тебе могут дать дозу, сразу или позже, и ты опять останешься на грани риска. В любом случае, тебе надо забраться на нее или без дозы, или с двумя. Вот и весь фокус. – Эли посмотрела на его реакцию.

– Черт возьми, ты права. – Хмуро сказал Том. – Поди, угадай. Но как? Ни без дозы, ни с дозой нет никакой гарантии. Ни один из нас не умеет читать чужие мысли. Естественно, они заставят раздеться меня сразу же. Хоть в задницу засунь эту дозу, а по ситуации или достань ее, или оставь на месте. Извини за слово.

– Не извиняйся, просто не забывай, что такое доза. Это не лист, а сок, выдавленный из листа. Он не имеет запаха. И это все, что я о нем знаю. Лист ты можешь засунуть хоть туда, но не сок же.

– Запаха? – вдруг воспрянул Том. – А вкуса? Хотя какая разница. Эли я могу засунуть этот кусок листа под язык, на вид он поместиться, а если его согнуть, то еще легче. Незаметно разжевать его, а потом проглотить, для меня не составит никакого труда, будь он на вкус хоть чилийским перцем. В этом я уверен на все сто. – Том повеселел.

– Какая же ты у меня умница! – вдруг обняла его та. – Пусть ты ничего не умеешь делать руками, но голова у тебя то, что надо. Спасибо тебе, Господи. Об этом я не додумалась.

– У тебя голова не хуже, – улыбнулся Том, – Я ведь тоже не додумался о твоей схеме. Эли, мы квиты и я готов идти хоть сейчас. Кстати, его можно согнуть?

Эли взяла лист, и попробовала, но сразу же положила его на пол.

– Нет, он вот-вот треснет, а тогда появятся капельки сока. Лучше засунь его себе в рот, и попробуй найти для него самое подходящее место. Только быстро, чтобы... Так, на всякий случай.

Том поднял лист, потер его с двух сторон, и засунул себе в рот. Да он умещался под языком, но мешал говорить. За щекой, он просто вздувал ее, а другого места просто

не было.

– Надеюсь, мне не придется никому ничего говорить, а тогда под языком для него идеальное место. Кстати, он безвкусен, не знаю как его сок.

Вскоре они уже вышли из вигвама и направились к костру. Дело подходило к раздаче мяса, но пока обезьяны кольцом окружили костер и ждали. Только через полчаса он поймал один кусок, и, подбрасывая его на ладонях, двинулся к девушке.

– Ешь, – сказал он, – я сегодня на диете. Даже воду пить не буду, чтобы не уменьшить концентрацию дозы. Мне же придется там, если что, выпить кокосовый сок.

– Да, – Эли была грустна. – Том, ты не представляешь, как я за тебя переживаю. Чертов шаман, без него мы уже были бы на условной свободе. Я не смогу заснуть в эту ночь ни на минуту. Об одном прошу тебя, как только ты проснешься, подойди к моей хижине и позови, если я не буду сидеть у входа. Ты мне можешь это пообещать? Что бы ни случилось, а?

– Да, Эли. Обязательно. Наверное, мне уже пора идти?

– У нас есть еще минут пятнадцать. Может, обнимемся?

– Прожуй сначала, – выдавил улыбку Том, – а потом, что хочешь.

Наконец, после нескольких крепких объятий, Том развернулся и не спеша пошел в сторону хижины. Лист под языком абсолютно ему не мешал. Да, он чувствовал на спине ее взгляд, и он ему помогал, вернее, поддерживал. За это он

был благодарен Эли.

Вигвам уже еле заметно светился, а на пороге его ждали двое: вождь и шаман. Спектакль начинался в полном составе. Они пропустили его, а потом оба залезли вовнутрь и уселись рядышком. На месте Эли на их подстилке лежала как мумия толстая черная и жирная обезьяна. Том знал, что делать, и сразу же разделся. Потом он в нерешительности встал, и еще раз посмотрел на подстилку. Чернокожей девушке было около тридцати, и она лежала с закрытыми глазами, раздвинутыми ногами, и раскинув руки. Если бы не ее поднимающиеся и опускающиеся складки живота, вернее жира, можно было подумать, что она недавно уже умерла. К тому же, она лежала прямо посередине, так что ему даже нельзя было пристроиться рядом. Внезапно он услышал гортанный звук и краем глаза заметил какой-то жест вождя. Он понял, что пора было начинать. Никакой жидкости ему не дали, значит, Эли была права.

Он подошел к этой еще не увядшей туше и улыбнулся: его аппаратик просто сдох. Ему показалось, что до вигвама, он был еще живой. Закрыв глаза и стараясь не вдыхать ее запах, чтобы его вдруг не вырвало, Том улегся на тушу и начал по ней елозить, делая вид, что возбуждается. Но уже через несколько минут слез, повернулся и подошел к вождю. Вид его аппарата говорил сам за себя, а Том состроил удрученную физиономию и просто развел руками.

Между вождем и шаманом завязался какой-то разговор,

причем шаман говорил более спокойным тоном, чем другой. Он закончился тем, что шаман высунул руку из вигвама, а когда она показалась опять, то Том увидел знакомую половинку кокосового ореха. Он взял протянутый ему напиток, и стал пить, а когда осушил все до дна, вывернул лист из-под языка и стал незаметно вонзать в него зубы. Шаман заглянул в ореховую чашу и выбросил ее из вигвама. Сомнений, что он выпил дозу, не было. – А вдруг? – ему пришла шальная мысль, и он сразу же запустил надкушенный лист опять под язык. Хотя у него слегка и начало кружиться в голове, это мог быть и результат того, что он надкусил лист и сразу же проглотил выступившую густую жидкость. Он продолжал стоять и ждал. Голова закружилась немного сильнее, но никакого тумана, даже его следов, в ней не было. Но и зрители его не торопили. Только минут через пять, он услышал знакомый звук вождя, и пошел к подстилке. Он повторил то же самое, даже немного затянул, и вернулся обратно, сделав знакомую физиономию и повторив жест. Разговор вождя и шамана был на этот раз короче, а в конце шаман опять протянул руку из вигвама, и подал Тому еще одну половину. Тот изобразил глубокое удивление, но все же начал пить кокосовый сок уже небольшими глотками. В душе он ликовал! Он был на волоске от краха, шаман оказался хитрее всех, лишь чудом Том не сжевал тогда свой лист. Голова! – он сделал это замечание шаману, не себе, и естественно не вслух. Допив до конца, он вернул посуду и переместил

лист. Зубы окончательно впились в зеленую плоть. Повернувшись к вождю спиной, он смотрел на подстилку и тщательно жевал. Хорошо, что у девушки были закрыты глаза, но надо было быть на чеку, она внезапно могла открыть их. Прошло минут пять, и то, что почувствовал Том, заставило его улыбнуться. Туман становился все гуще и плотнее, и он даже испугался, что не успеет взобраться на тушу. Наконец он проглотил последнюю кашу, вернее то, что осталось у него во рту от листа, и, не дожидаясь команды, устроился на девушке. Он двинулся лишь раз, а потом отключился.

Том очнулся в вигваме один и в полной темноте, хотя тонкий луч солнца откуда-то пробирался вовнутрь. Он вспомнил то, что мог вспомнить, и на этот раз его голова немного давала о себе знать, что-то типа легкого похмелья. Подскочив, он зашарил руками, пока не нашел свое нижнее белье. Одевшись, он выскочил на улицу. Солнце приближалось, или уже стояло в зените, а значит, был полдень. Охранник сидел на своем месте и безразлично на него смотрел. Повернувшись, Том бросился направо, в сторону хижины Эли. Она ждала его, и оба сразу обнялись.

– Эли, я смог, вернее все удалось. Ты даже не представляешь, что было. – Запыхавшимся голосом он рассказал все, включая подвох шамана.

– А откуда ты можешь знать, что не смог? – вдруг спросила она. – Ты же помнишь, как на ней очутился и сразу вырубился.

Такое не пришло Тому в голову, но Эли была в чем-то права, хотя он сам был уверен в своем мнении. Но ее логику откидывать было нельзя.

– Черт возьми! – выругался он. – И что сейчас делать? Ждать до вечера, придут ли они опять или нет? А если.... Нет, это невозможно, но вдруг я оплошал...., а они не придут, а через девять месяцев.... – Том запинался, и явно нервничал.

– Успокойся дорогой, – Эли гладила его по спине. – Есть только один способ все узнать, и он быстрый.

– Какой?!

– Попроситься к вождю, ведь ты должен же извиниться за ночной прокол? Я у тебя буду переводчиком. А результат мы узнаем прямо от него, или почувствуем. Он же не шаман, правда?

– Да, конечно, – Том обнял ее очень крепко. – Давай же, ты не представляешь....

– Представляю. Мне тоже хочется все узнать. – Она повернулась к одному из стражи и что-то ему сказала. Оставив с ними другого, тон сразу же убежал. Вернулся он быстро, а через пять минут, они с Эли уже стояли перед вождем. Том изо всех сил горевал, даже чуть не пустил слезу, в то время как Эли что-то тому говорила. Вождь слушал равнодушно, но несколько раз бросил взгляд на Тома. Он еще думал несколько минут после того, как та закончила и наконец, что-то ей сказал.

– Он не обижается, – еле сдерживая радость, перевела ему Эли. – Он сказал, что видел все своими глазами, хотя и не понимает, даже не может представить себе, как можно устоять, вернее, не взять ту девушку хотя бы один раз. И еще он сказал, чтобы ты переоделся как все, а я вернулась в твою, вернее нашу хижину.

– Поблагодари его от меня, – тихо сказал Том, облегченно вздохнув. – И пообещай еще раз, что у нас с тобой будет девочка. Сейчас, или чуть позже, но чем дольше мы будем вдвоем, тем это будет надежнее.

Эли перевела, а тот просто махнул рукой. Когда же они оказались на улице, Эли просто повисла на Томе, даже не заплакав от радости.

– Свобода, милый, свобода, – горячо шептала она прямо ему на ухо. – Теперь уже точно. И я обещаю от тебя забеременеть.

Глава 12. Временная свобода

Войдя в вигвам, Том почувствовал, как он устал, к тому же как все так очень хорошо получилось, и он с радостью повалил Эли на подстилку. Все, что произошло потом, было по велению двух сердец, не запланировано и так чудесно! Они пролежали около часа, а может и больше.

– Эли, – ласково сказал он, поднявшись и сев, – мой клин вышибли, ты и я, и ты только что могла в этом убедиться. Я благодарен тебе. И с этого момента не хочу вспоминать ничего из твоего прошлого. Будто только сейчас, гуляя по джунглям, я встретил симпатичную белую девушку, она мне понравилась, и я ей, а потом все было естественно. И мы вместе попали в лапы этих обезьян с надеждой, когда-либо отсюда выбраться.

– Том, милый, ты был прекрасен, и притом без всяких листьев. Мне тоже было хорошо, и я постараюсь забыть прошлое. Мы что, уже встаем? – нехотя спросила она.

– Надо переодеться. Не хочу дразнить вождя. Ты не сделаешь мне услугу? Мне нужна юбка из листьев, короче, я где-нибудь спрячу свое белье, переодевшись.

– Да, конечно. – Она поднялась и вышла из вигвама.

Позже она вернулась и помогла ему завязать на поясе тонкую лиану, но с нее свисали еще зеленые листья, и, как ему показалось, безукоризненно прикрывали все его хозяй-

ство. Свои трусы и майку Том сунул в густые кусты джунглей за туалетом. А потом уже в новой одежде направился на обед. Он принес то, что и всегда, и оба молча ели. Когда все закончилось, он неожиданно спросил:

– А что мне здесь вообще делать, да еще целых девять месяцев? – он имел в виду поселок. – Мне дадут хоть какое-либо занятие или работу? Я же просто умру со скуки. А ты? Чем вообще здесь занимаются женщины? Ходят за фруктами, следят за детьми и раз в месяц моются. А остальное время?

– Ходят, друг к другу в гости, если не живут в одной хижине. И, в основном болтают. Наверное, женщины всего мира одинаковы, в смысле посплетничать. Я – исключение, со мной никто не разговаривает. А насчет тебя? – девушка вздохнула. – У тебя больше свободы, чем у меня, только она тоже лимитирована. Не думай, что кто-нибудь тебя позовет на охоту, с тобой тоже никто не будет разговаривать, тем более, ты не знаешь их язык. Но если бы даже и знал, ты отстаешь под ними.

– А ты меня научишь? – спросил он.

– Конечно, милый. Вот тебе уже и время препровождения. Плюс наши разговоры. Тебе мало?

– Да, – безразлично сказал он. – Мне кажется что мало. А может мне пойти на курсы к шаману? Попроситься, чтобы он меня чему-то учил. Он же врач в племени? Мне кажется, что он знает уйму лекарственных растений. Естественно,

лишь после того, как я выучу язык.

– Ну и чудак же ты! – Эли от души рассмеялась. – К шаману? Нет, даже по возрасту, ты давно перерос его учеников.

– А что, такие уже есть?

– Были, есть и будут. Каждый год он выбирает в свою школу пятилетних мальчиков, и выпускает их через пять лет. А потом те идут в школу охотников. А в пятнадцать, их уже начинают брать на охоту, или они становятся воинами.

– Интересное обучение, – задумался Том. – А что насчет девочек?

– До семи лет они окружены материнской заботой и с ними всегда находятся еще несколько женщин. Потом их переводят типа в подростковую группу, где учат быть матерью. А в двенадцать отдают вождю.

– В каком смысле? – не понял Том.

– В прямом. – Эли вздохнула. – Вождь всегда имеет право на то, чтобы попробовать зачать девочку первым.

– Он бабник?

– Еще какой.

– А шаман?

– За пять моих лет я еще ни разу не видела, чтобы тот с кем-нибудь спал. Если у вождя ничего не получается, он не передает девочку шаману, а сам выбирает из племени ее будущего партнера. Только им никогда не становится шаман.

– Слушай, – Тому пришла в голову мысль, – а ты никогда не думала, что шаман – голубой?

– Думала. Может это и так, только как проверишь. Хотя какая мне разница. Моих детей не держали со мной много лет. Я рожала, и кормила ребенка еще три месяца, а потом его у меня забирали и насовсем. Вернее это было лишь в первый раз, когда я родила девочку. Мальчики исчезали уже на следующее утро, за ребенком приходил какой-то воин, и больше я о нем ничего не слышала и никогда не видела. А вот молоком просто заливалась. Я его сама сцеживала, как могла. – Она замолчала. – Извини за такие подробности.

– Нет, что ты! Извини, я зашел не туда.

– И не напрасно. Это тебе повод подумать, что может случиться после того, если у нас родится ребенок. Нам не делают никаких исключений.

Они еще долго болтали, пока не наступил вечер, и оба отправились к костру. Забрав свои два куска мяса и две половинки наполненного кокосового ореха, они решили поужинать возле вигвама.

– Черт! – выругался Том, – эти листья болтаются туда-сюда, задевая все, что я ношу под ними.

– Эли рассмеялась. – Привыкай. Будет хуже, когда они подсохнут. В отличие от других, высыхая, они только съеживаются, но не рассыпаются, если их, конечно, не намочить. Лишь тогда они расползутся.

Мясо было съедено, и оба запивали ужин. Том был задумчив.

– Эли, – наконец он попытался неуверенно что-то ска-

зять. – Я вот подумал насчет подстилки.... Может нам ее разделить? Он опустил глаза. – У каждого будет своя кровать.

– Конечно. – Та если и удивилась, то не показала виду.

– Понимаешь, один клин исчез из моей головы, но есть и второй....

– Не объясняй, милый. Я абсолютно не против. Если когда-нибудь ты обратишься ко мне за помощью сам, по своему желанию, то все расскажешь, и я, конечно, постараюсь тебе помочь. А сейчас давай так и сделаем. – Она встала и направилась вовнутрь. Том остался снаружи вигвама.

– Все готово! – слышался ее голос.

Том с виноватым видом вошел в вигвам. Наконец, в темноте он нашел свою кровать, и сразу же на нее улегся. Она была узкой, как тогда, в хлеве.

– А юбку снимать? – спросил он в полголоса.

– Я не снимаю, уже привыкла. А ты, как хочешь. – Слышалось из темноты.

Он еще долго ворочался, о чем-то думая и размышляя, и наконец, заснул.

Проснулся он как всегда в темноте, и ему сразу же показалось, что по их вигваму что-то стучало, похожее на капли дождя. Тут же появилась и девушка, со свернутой, как ковер, своей подстилкой.

– Доброе утро! – сказала она и улыбнулась. – Ливень. Сейчас грянет ливень. На твоём месте я бы тоже свернула

твою постилку. Сейчас не сезон дождей, но здесь ведь тропики. С неба будут падать потоки воды, но минут через пятнадцать, все кончится, и опять покажется солнце.

– Эли, ты на меня не обиделась за эту ночь? – угрюмо спросил Том. – Мне....

– Абсолютно, – твердо ответила она. – Забудь об этом, наверное, так и надо. Молодец.

– Молодец? – усмехнулся он. – Нас точно не зальет?

– Не думаю. Но в сезон дождей мы будем просто плавать.

Он, так же как и она, свернул подстилку и тут начался ливень. Том чувствовал, как небо просто разверзлось. И откуда падал водопад воды, даже вигвам немного качало. Сверху немного капало, но все окончилось очень быстро. А когда он выбрался наружу, то поразился, что из далеко уходящих темных туч уже пробивалось ясное солнышко. Над ними небо было вообще чистым и голубым, как всегда, хотя трава и сама земля были мокрыми, даже с небольшими лужицами. Он услышал, как сзади уже стояла Эли.

– А как они вырубали эту просеку? – вдруг спросил он. – У них же нет ни пил, ни топоров.

– Просека, это – та часть за поворотом, где ты очнулся. Здесь же была естественная продолговатая поляна, конечно, сильно заросшая. Когда я тут появилась, поляна была давно вычищена, утоптана и обустроена. А в той части тоже все вычистили, только оставалось много толстых деревьев. Они срубают их заточенными бульжниками, а когда появились

наши мачете, территорию поселка еще расширили. Это – очень упертые обезьяны, чтобы срубить одно дерево у них уходило иногда три дня, но они его все же валили. Пеньки остались только там, в той части.

– А их язык трудный? Вернее, он не похож на слова, а на какие-то гортанные звуки.

– Нет, не трудный. Может слов сто, не больше.

– Тогда я выучу их за неделю, – усмехнулся Том.

– Я тоже так думала, только знать слова – это лишь треть, а может и меньше, чтобы действительно выучить их язык. Надо различать и заучить интонацию, с которой они их произносят. Она многое меняет. Слово может быть одним, а интонация превратит его в пять разных значений.

– То есть не сто, а пятьсот слов? – удивился он.

– Может пятьсот, а может и тысяча. Старики знают больше, молодежь – меньше.

– Ладно, – сказал Том, – в вигваме хоть и темнее, но суше, я пойду туда. – Он развернулся и юркнул вовнутрь. Эли последовала за ним, закрепив шкуру на входе треугольником, и сразу стало светлее.

Они, молча, пролежали около получаса на своих подстилках, пока Эли вдруг не сказала:

– Том, ты изменился. Ты всегда такой? И таким же и будешь?

– Каким?

– Молчаливым и одиноким, – она задумалась. – И холод-

НЫМ.

– Холодным? – Тот немного приподнялся. – У себя дома я всегда такой. А сейчас у меня есть лишь одно желание, скорее отсюда вырваться. Я сгнию здесь за девять месяцев, ничего не делая.

– Я понимаю тебя, милый, и тоже так думала. Но привыкла. И ты привыкнешь, вот увидишь. Люди ко всему привыкают. А насчет времени, я же тебе предлагала, чем его занять, ну хотя бы на какое-то время.

– Это в смысле узнать друг друга?

– И в этом смысле тоже. Узнать, и еще выучить их язык. А потом начать готовиться.

– Готовиться? – это слово его заинтересовало. – Это по мне. Только давай сначала все немного обсудим. Ведь у нас будет лишь одна попытка. Когда, вернее, к какому сроку мы должны все подготовить? Когда ты будешь еще беременна? С большим животом или раньше? Или сразу же после родов, или через три месяца после, накануне, как у тебя отберут девочку? Как думаешь ты лично, ведь ты все равно знаешь их дольше?

– Девочку? – вдруг просияла Эли. – Это было бы прекрасно. Но может быть и мальчик. Тогда этих трех дополнительных месяцев просто не будет. И отношение к нам ухудшится.

– Верно, – Том нахмурился, ведь об этом он не подумал. Почему-то он был уверен, что первой будет девочка. Откуда она взялась, эта уверенность? Значит, бежать надо было

до родов. Рисковать нельзя. – А в какой срок плод еще не мешает двигаться, и вообще? – спросил он.

– Максимум до пяти месяцев. Я бы так сказала.

– Значит, с девяти, срок подготовки сокращается до пяти. И это – предельный срок. Получается, что из года осталось всего пять месяцев, а то и четыре, одна треть. – Он задумался.

– Видишь? – сказала та, – тебе не придется маяться здесь девять месяцев, только половину.

– Это меняет дело, – просиял Том. – Надо начать заниматься подготовкой.

– А я так не думаю, – услышался ее голос. – Тебе и мне надо знать, с кем ты рискнешь на побег, и как поведет себя тот или другой в экстремальной ситуации. То есть, я бы начала с того, что предложила тебе когда-то, нам надо познакомиться. А во-вторых, я ограничена в передвижении по территории, а ты – нет. Если ты выучишь язык, ты сможешь спрашивать о чем-то любого жителя, и тебе должны будут хоть что-то ответить. Такой у тебя статус в этом племени.

– Ладно, – усмехнулся Том, – а ты дальновиднее меня.

– Нет. Просто я так подумала.

– Месяц на язык, неделя на знакомство. – Размышлял он вслух. – Еще неделя на практику с местными. Остается три месяца на подготовку. И не много, но и немало. Я согласен.

– Тогда, может, начнем прямо сейчас? – улыбнулась Эли. – До обеда мы можем знакомиться, а после, до ужина,

учить язык. Как тебе? – Она посмотрела в его сторону. – Не волнуйся, я начну первой. А когда закончу, можешь завалить меня любыми вопросами. Помнишь, я пообещала тебе, что все будет честно и без утайки? Я сдержу слово.

– Я тоже сдержу, хотя я его и не давал. Не тот момент, чтобы стесняться и что-то из себя строить. Начинай. – Том удобнее устроился на своей подстилке и приготовился слушать.

Глава 14. Знакомство с томом

Обедали, молча, и когда Том вытер руки, то сразу же перешел к делу.

– Томас Вильямс Генери, урожденный англичанин, тридцать семь лет. Холост, никогда не был женат, даже обручен. Родился в интеллигентной обеспеченной семье, братьев и сестер нет. Родители живут в Швейцарии. С отличием окончил Университет и попал в ту же фирму, бумаги которой ты уже видела. Там и работаю, вернее работал. Сначала искал выгодные для фирмы сделки по всему Миру. Потом меня повысили, и я лишь езжу по Миру и подписываю контракты, а через пару лет мне светило бы место начальника отдела, и я бы уже никуда не ездил. Зарплаты с лихвой хватает, жильем обеспечен. – Он задумался. – Хорошо знаю испанский и португальский языки, но поему-то меня в последнее время окончательно прикрепили к Бразилии. Летел домой, самолет вышел из строя, и меня выбросили с парашютом на ту поляну, вернее к тому болоту, где меня и нашли. Что произошло с самолетом потом, понятия не имею.

В обществе я социален, и всегда готов помочь всем, кто просит у меня помощи. Много друзей и подруг, начальство меня тоже ценит. Дома же я одинок и молчалив, читаю или смотрю телевизор.

– Наверное, бабник, – вздохнул он, – хотя сам редко на-

прашиваюсь. Через мою постель их прошло не менее полусотни за всю мою жизнь, но после первой постели отношения продолжались максимально две недели, потом я их обрезал полностью и бесповоротно. Никогда ни в кого не по-настоящему не влюблялся. Наверное, я добрый и умный, но в голове всегда были и есть два клина, скорее всего, это чисто психологические отклонения. Первое это то, что в постель я ложился только с девушкой, которая мне, безусловно, нравилась. И мне было наплевать, замужем она или нет. Да и знал я каждую не больше месяца. На других у меня просто ничего не поднималось. Наверное, я был кобелем, но Ладно, перейду ко второму. Может между ними и есть какая-то связь. После первой ночи я интересовался прошлым девушки, а именно со сколькими она спала до меня. Мне было безразлично, кем они были в жизни, и кем были для нее лично. Меня интересовало лишь их число. Мне никогда не попала девственница, или кто-то на нее похожий. Три, пять, десять, – это меня уже не волновало. Узнав количество, я уже знал, через сколько дней я с ней порву. Ревность? Нет, это было что-то другое. – Он на минуту задумался. – Мне всегда казалось, что хоть один ее бывший партнер был искуснее меня, и что, проснувшись рано утром и весело щебеча о том, как ей было хорошо ночью, она внутренне посмеивалась надо мной. Мол, может и неплохо, но до Гарри, Генри или кого-то еще в ее прошлых связях я даже и близко не дотягивал. Нет, ни одна мне такого не сказала и даже не намекну-

ла. Это и есть второй клин. Откуда он? Сам не знаю. И когда я с ней обрезал, мне было безразлично, как она себя чувствовало. На это мне тоже было наплевать. Хотя иногда, когда брошенная девушка со временем успокаивалась, мы становились хорошими и крепкими друзьями, конечно же, уже без каких-либо интимных отношений. Эгоист? – Он поднял на Эли глаза. – Точно. Причем в этом вопросе круглый и самонадеянный. Вот, наверное, и все. – Он развел руками. – А то, что случилось между нами вчера? Я отвечу. Раз получилось, значит, ты мне действительно понравилась, как женщина. И мне нравится, что до замужества ты была девственницей, как я понял. А после у тебя никого не было. Обезьяну я даже не имею в виду, и три наших первых ночи тоже. А вот вчерашнее..... Мне это в тебе не понравилось, хотя я тоже этого хотел. Ну, вот и все, – вздохнул он, – коротко и ясно. Спрашивай, что хочешь.

– Да нет, в принципе все ясно, – грустно прошептала Эли. – И я поняла, почему ты вдруг решил отделиться. Ты меня бросил, как очередную девушку, или еще бросишь. Только я поняла одно. Оба твои клина похожи, и на свете есть лишь одно, что может выбить их обоих из твоей головы. Тебе надо хоть один раз влюбиться по-настоящему. И клин-ев не будет, и, как мне кажется, ты будешь верным мужем и хорошим отцом. Просто, по какой-то случайности, с тобой еще этого не произошло. – Она замолчала.

– И не произойдет, – усмехнулся Том, – через месяц мне

стукнет уже тридцать восемь. Если я до этого не нашел такую, то какие шансы.....

– Шансы всегда есть и будут, – перебила она его.

– Можно поверить, только сначала надо выбраться отсюда. Сложив все шансы, очевидно, что они просто приближены к нулю. Шансы встретить любовь зависят сейчас, от шансов вернуться в наш мир, живыми и невредимыми. Сколько их, Эли, скажи мне?

– Немного, но они есть. – Девушка впервые подняла на него глаза. – Том, поверь, у нас никогда больше не будет того, что произошло вчера. Ты же меня сможешь простить?

– Простить? – Он посмотрел ей прямо в лицо. – Я не Бог, чтобы кого-то судить, и тем более прощать или нет. Просто я такой, какой есть. – Он даже улыбнулся и развел руками.

До ужина оставалось пара часов, и Том вышел из вигвама и побрел, куда глаза глядят. Почему-то ему было очень грустно, только он абсолютно не понимал, из-за чего это было, или из-за кого. Эли он всерьез не винил ни в чем, себя – тоже. И ее он жалел больше, а себя нет. Он просто о чем-то думал, даже не замечая, как за ним плелся охранник. Он уперся в конец поселка, развернулся, и пошел обратно. Потом вернулся тем же самым образом, и опять пошел. Да, он видел костер и толпу вокруг него, но ужин его не волновал. Неизвестно, сколько бы он еще так ходил по поселку, если бы его охранник не издал какой-то звук, и Том очнулся. Тот показывал копьём в направлении его вигвама, а костра уже

не было, даже угли еле виднелись, и то с близи. Он понял, что, наверное, наступила полночь, и пошел в сторону вигвама. Пробравшись тихо вовнутрь, он лег на свою подстилку и вскоре заснул.

Наутро он первым делом поднялся и сходил в туалет. Эли уже не спала, или ему так показалось. Но оба не произнесли ни слова. После туалета Том не вернулся, а просто пошел тем же путем, когда он искал тот сочный лист. Он обошел весь поселок, но на обед не зашел. О чем он думал? Да, наверное, обо всем понемногу: и о жизни, и как отсюда можно было бы сбежать. Странно, но мыслей о девушке не возникало, или лишь пару раз, когда он проходил мимо костра. Обед она пропустила, и только из-за него, а на ужин ей опять бросили, наверное, подгоревший кусок мяса как собаке, прямо на землю. Тому стало на секунды стыдно, но потом все прошло. Весь день он опять бродил по деревне, а время спать так же последовало от напоминания его охранника.

На следующее утро, Эли неожиданно сказала:

– Том, а как же с языком? И вообще, у меня такое ощущение, что я тебе мешаю. Если хочешь, я попрошусь, и меня переселят.

– Переселят? – удивился он. – У тебя эта мысль на уме? Странно. Может тебе и будет с кем поговорить, только мне....

– Ты и так молчишь уже два дня, – перебила она его. – Я не знаю, что случилось.

– Ничего, – равнодушно пожал он плечами. – Хотя – насчет языка ты права. Полдня я буду гулять по поселку, а полдня слушать тебя. Устроит?

– Если устроит тебя, то и меня тоже. – Грустно сказала та. – Но даже притом, что я знаю местный язык, со мной никто не разговаривает. Так что... Сейчас или после обеда? – спросила она. – В смысле языка.

– После, – вздохнул он и вышел.

Он опять ходил по деревне и вдруг понял, как все ему осточертело. Он ничего не надумал, а просто в одиночестве убил два дня. И ему уже было жалко Эли. Он еще раз вспомнил тот разговор, и понял, что она-то была ни в чем не виновата. Почему был тот лишний раз? А почему его не могло бы быть? И в чем ее вина? Она любит другого, а переспала с ним? Но тот, другой был сейчас в совершенно ином мире, и не было никакой гарантии, что он когда-нибудь еще появится. К тому же, они были официально разведены. – Боже, – вдруг остановился он, – какой же я дурак! Она переспала в тот день не только с ним, Томом, а с отцом ее будущего ребенка. И не она виновата, что именно он должен был им стать. Ее заставили, и она все сделала. А потом, просто отвела душу за все последние годы. Надо верить людям, а Эли сказала и не раз, что он ей нравился. И вообще, кроме него здесь никого не было, не считая всех этих обезьян. И он был ее единственным помощником, которого она считала, спустившимся с небес по божьей милости. Нет, он делал что-то

неправильно. – Том постоял еще несколько минут, и направился к своему вигваму.

– Эли, – сказал он, сразу же увидев ее у порога, – я был неправ, извини. Давай займемся языком. Не знаю, что со мной было, только оно уже прошло. Может мне надо были эти два дня просто на уединение?

– Может, – настороженно улыбнулась та, – выбирай, тут или внутри?

– Без разницы. – Он опустился рядом.

Несколько часов он провел как приличный ученик, запоминая те слова и их значение, которые говорила ему Эли. Потом он сходил на обед и вернулся как всегда с кучей бананов и фруктов. Они пообедали вместе, разговаривали, и даже иногда смеялись. На душе у Тома отлегло: сердце подсказывало, что вот сейчас все было правильно. Потом уроки продолжились, но к вечеру Том уже устал. Так он ей и сказал.

– Молодец, ты много выдержал, – похвалила она его, – мне кажется, что если ты не сбавишь темп, то уже через две-три недели заговоришь.

Вечером они опять ужинали вместе. А вот после, Тому захотелось уже помириться по-настоящему. Хотя они уже почти помирились. Только чего-то ему не хватало, чтобы поставить последнюю точку. Он долго раздумывал, а потом, когда они уже ложились спать, перенес свою подстилку, оставив ее прямо рядом с Эли. Сердце его забило, он ожидал ее реакции, и она последовала.

– Том, – Эли встала, – если ты коснешься меня хоть пальцем, я пойду спать на улицу. – В ее голосе была твердая уверенность.

– Почему? – невинно спросил он. – Ты на меня обиделась, да?

– Нет дорогой, – она продолжала стоять, – тот день был моей ошибкой, ты так все понял. Может ты и прав, так что я не хочу ее повторять.

– Значит, обиделась, – грустно усмехнулся тот. – Не поверила. Сядь. Ты не поверила тому, что эти мои клинья я бы с радостью выбил из своей дурной башки. Я ведь благодарил тебя за то, что один клин ты мне помогла убрать, разве нет?

Девушка села, но молчала, опустив голову в пол.

– Я извинился перед тобой, и подумал, что мы можем все вернуть. Мы отлично провели день, Эли. Неужели ты думаешь, что мне не хватает сейчас какого-то собачьего секса, чтобы спокойно уснуть?! Если так, то ты последняя дура. Я просто хотел с тобой окончательно помириться, и я тебя и пальцем не тронул, а только подвинулся ближе. Иди ты к черту! – вдруг вскочил он. – Я буду спать на улице, а не ты. А завтра попросись в другой вигвам, и можешь обо мне забыть. Недотрога. – Кинул он ей вслед и вышел.

Он улегся спать прямо на сухой траве, и прямо у входа в вигвам.

Глава 15. Лиза и Вилл

Том проснулся от солнечных лучей, и оттого, что у него болела спина. Он сразу же вспомнил о прошлой ночи, и ему стало просто досадно. Они оба не понимали друг друга, – думал он. – А жаль. – На всякий случай он заглянул в вигвам, но там никого не было. Обе подстилки лежали так же, как и до его ухода.

Он поднялся и решил обойти поселок, чтобы размять ноги и спину. Но сделав несколько шагов, он поймал себя на мысли, что его глаза кого-то ищут. Они не смотрели под ноги как всегда, а вглядывались вдаль. Он про себя выругался и с досады сплюнул. Том вдруг подумал, что это был случай, когда его Тома впервые в жизни обрезали и выкинули на помойку, как использованную вещь, и ему стало еще больнее. Но ведь он поступал также огромное количество раз, и никогда не задумывался о чувствах. Наверное, те девушки тогда чувствовали то же самое, что и он сейчас, и ему стало грустно. В душе он ругал Эли последними словами, а остановить глаза так и не мог. – Черт возьми! – не выдержал он. – Да что со мной вообще творится?! Тебя кинули, Том? Кинули в первый раз? И ты злишься? Успокойся, дорогой, об этом никто и никогда не узнает. Забудь ее и начинай составлять свой личный план, ведь она сделала свой выбор. Хочет остаться в племени? Пусть остается. Захочет по-

веситься – пусть вешается. Ты же знаешь, чего хочешь ты, удрать отсюда, вот и думай об этом. – Он пошел дальше, стараясь смотреть только себе под ноги, хотя это не всегда удавалось. Обойдя весь поселок, он заметил, что люди уже разбирали фрукты, и сам направился туда. Он немного постоял, думая брать ли с собой много, или только для себя, и выбрал последнее. Но вернувшись к вигваму, там его уже ждала Эли.

– Это тебе, – хмуро протянул он ей свой обед. – Свое я съел там.

– Не ври, – она протянула руку и взяла только два банана, – ты никогда там не обедаешь. И вообще, ты что, забыл про уроки? – ее голос был просто дружелюбен.

Том ничего не ответил, а только опустил рядом и принялся есть.

Потом урок возобновился, но Том поймал себя на мысли, что слушает очень рассеянно, и в голове почти ничего не оседает. Вместо уроков он думал о ситуации. Эли вела себя как обычно, но холоднее чем вчера. Однако она вернулась, но насколько? Интересно, что будет вечером? – подумал он. – А еще интереснее – ночью.

– Том, ты меня слушаешь? – вздрогнул он от ее голоса. – Что я только что тебе сказала? Повтори.

– Ты называла слова, и что они значат, – очнулся он. – Повторить что, последнее слово? Я уже просто его забыл. Извини.

– Я так и знала, – сказала та, – это – не учеба, Том. Может

нам надо сначала поговорить? Ведь ты думал, что я перебралась в другую хижину, верно? И вычеркнул меня из плана?

– Никого я не вычеркивал, – пробубнил он. – Откуда я знаю, что у тебя в голове. А о чем говорить-то?

– О чем хочешь. О чем думаешь, – она внимательно следила за ним.

– А ты о чем думаешь? – просто спросил он.

– Я? – она улыбнулась. – О том, что наше знакомство было похоже на детский сад. А оттуда и последствия. Хотя ни себя, ни тебя в искренности я упрекнуть не могу. Просто потом мы по-детски себя повели. Хотя, знаешь? Может, нам обоим нужно было время, чтобы все это пережевать внутри, а потом проглотить.

– И ты проглотила?

– Это – не игра в одно ворота. Я тебе уже ответила. Ответь и ты. Так о чем ты думаешь?

– Наверное, о том же, – пожал он плечами, – только по-своему. Когда я тебя сейчас увидел, мне кажется, что я уже проглотил.

– Я тоже, – наконец, улыбнулась Эли. – Значит, в плане участвуем оба?

– Значит так, – Том тоже улыбнулся.

Урок продолжился, только совсем по-другому, яснее и приятнее. Короткий разговор действительно был кстати.

Вечером оба пошли на ужин, а потом возвращались обратно. Руки Тома немного подрагивали, значит, он нервни-

чал. Из-за чего? Ясно из-за чего, что будет дальше, и вообще, чем закончится этот день.

Он пропустил Эли вовнутрь, а сам остановился и задумался. Идти вовнутрь означало сдаться. Остаться спать тут, – было продолжением никчемной игры. Это он и решал.

– Том, – послышался ее голос, – ты не заблудился?

Это походило на зов, а значит, сохраняло его мужскую гордость, и он, нагнувшись, влез вовнутрь. В темноте он нащупал свою постилку точно там, где она и была, рядом с другой. Он подумал, что лучше: лечь или вернуть свою постилку на прежнее место?

– Выбирай сам, – вдруг услышал он ее голос, будто она читала его мысли. – И забудь о том, что я вчера сказала. И сегодня, про детский сад.

Том нарочно тяжело вздохнул и улегся рядом.

– Какие же мы разные, – услышал он шепот Эли. – Мы женщины часто думаем, какие же вы мужчины дураки. А вы, наверное, думаете то же самое о нас. А кто все-таки прав? – Она задала вопрос, скорее всего сама себе, а не ему. Но Том неожиданно протянул руку, и дотронулся до ее плеча. Реакции не было, она не рассердилась. Потом он чрезвычайно медленно прошел рукой по ее телу и остановился у пояса из лианы. Эли лежала, молча, не двигаясь. Но и он просто застыл. Прошло около пяти минут, но сон даже не подступал.

– О чем ты сейчас думаешь? – услышал он ее шепот.

– Наверное, о том же, о чем и ты, – прошептал он в ответ.

– Мы так и будем думать до рассвета?

– Лично мне спать не хочется.

– Мне тоже. – Она повернулась к нему лицом.

Это было обоюдное желание, Том в этом не сомневался.

Они почти одновременно прильнули друг к другу. Тому никогда не было так жарко, как сейчас, а сердце лупило как у лошади после скачки. Это была прекрасная и ненасытная ночь. Наверное, последняя ссора подбросила дрова в огонь, и он пылал, превращаясь в большой костер. Или дров было много, но костер угас только к утру.

– Спасибо Лиза, – вдруг сказал Том, когда лежал уже рядом беспомощный и усталый. – У меня такое впервые.

– У меня тоже, Вилл. – Отозвалась она. – Только не сомневайся в моих словах, даже не думай. Лучше этой ночи у меня никогда не было. И я благодарна тебе за это.

Том собрал последние силы, повернулся и обнял девушку.

– Значит мы теперь Лиза и Вилл? – прошептал он.

– Как это прекрасно, милый. Именно так. Мне кажется, что сейчас мы уже знаем друг друга по-настоящему.

– Я действительно рад этому знакомству. – Том поцеловал ее в губы и откинулся. Уже через пару минут он спал, как ребенок.

– Вилл, – услышал он сквозь пелену сна знакомый женский голос, – уже обед, соня. Ты пойдешь?

– Обед? – он подскочил на подстилке. – Эли, вернее Лиза, ты не шутишь? Ты давно встала?

– Полчаса назад, – улыбалась та. – Я даже сделал в дверях солнечный треугольник, но ты не проснулся.

– Значит, мы вместе столько проспали?!

– Вместе. Только много ли? Лично я уснула почти утром.

– Я тоже, – вспомнил Том. – Наверное, мы уснули вместе.

Это была необыкновенная ночь, Лиза. Ладно, я побежал, – спохватился он.

– Как брачная, – услышал он вслед приятный смех. – Даже слаще.

После обеда последовали уроки, но ни учитель, ни ее ученик, не переставали друг другу улыбаться. Том понял, что все, что было недавно – это детская глупость. И вообще, сегодня в его жизни начинался какой-то новый этап, странный, неизвестный, но приятный и сердцу и его голове. – Как брачная, – вспомнил он последние слова Эли.

Идя вечером на ужин, он крепко обнимал Эли. Какие-то странности в голове не давали ему покоя. Впервые в его жизни она была ему дорога и близка. Да, первая ночь с какой-либо его предыдущей девушкой вызывала похожие чувства, но с Эли он провел уже пять ночей, и только после этого уловил, что что-то в нем меняется. Он с радостью заметил, что и та изменилась к нему. Это было трудно уловить в разговорах, но легко чувствовалось. Впервые он дождался и лично принес и передал ей кусок мяса, а потом вернулся за своим. Они шли к вигваму, обнявшись, и Тому было уютно и хорошо. Улегшись на подстилку, они обнялись опять,

но вдруг Том отпрянул.

– Лиза, мне страшно, – шепотом сказал он. – Если в костер бросать очень много дров, то они, в конце концов, закончатся, и костер потухнет. Может я не прав?

– Костер? Дрова? Вилл, ты это о чем, милый? Тебе со мной плохо?

– Наоборот, хорошо. Но если забрать все хорошее быстро или сразу, оно может закончиться, а мне бы этого не хотелось. Хотя сейчас, как мужчина, я готов на все.

– Мне тоже, – грустно шепнула она, – я все поняла. И тоже готова на все. Может, просто тогда обнимемся и уснем?

– Я так не смогу. Не знаю, чем ты меня опоила, но мне будет трудно вытерпеть.

– Тогда нам надо разделить подстилки, и спать, как мы делали раньше. – Ее голос стал еще грустнее. – Так пойдет, милый?

– Пойдет, – вздохнул Том, – только с завтрашнего дня. Неожиданно он сгреб ее в охапку и в огонь опять полетели дрова.

Оба проснулись лишь в полдень, но еще долго лежали вместе и думали.

Так прошли две недели, а на третью Эли сказал, что уроки подходят к концу.

– Вилл, ты быстро справился. По-крайней мере я тебя понимаю прекрасно, и вижу, что ты меня тоже. Тебе надо будет выходить, и практиковаться, хотя бы недельку. Поговорим

со стражником, естественно, разговора у вас не получится, но парой фраз вы сможете обменяться. Ты можешь ходить по поселку и делать из себя дурака, задавая кому попало любые детские вопросы, даже женщинам. Главное, что тебе будут обязаны ответить, а это – все, что тебе надо. А потом мы закроем этот подготовительный этап, и начнем заниматься делом. Ты согласен?

Том был согласен. За это время костер между ними разгорался лишь несколько раз, и тогда он подвигал свою подстилку к ее. Ощущения не затухали, и ему это нравилось. И вообще, они стали очень близки друг другу, не телесно, а просто близки. Том уже смирился с тем, что впервые в его жизни появилась девушка, которую он никакими силами не хотел бросить, и сама девушка этого не хотела, наоборот.

Он вставал обычно рано, и пытался первым делом поговорить с их охранником. В первый раз тот чрезвычайно удивился, но ответил, а Том понял четко, что именно. Еще неделю он шатался по поселку, и ко всем приставал с глупыми расспросами, но ему отвечали, а значит, прекрасно понимали. И он научился их понимать. Однажды, Эли похвалила его, и сообщила, что она уже точно беременна. В ту ночь опять разгорелся огромный костер. Это была последняя ночь их первого этапа. Но перед тем как заснуть уже под утро, он вдруг повернулся к ней и шепотом тихо спросил:

– Лиза, ты все еще думаешь о Стиве? Вернее, в твоих мыслях есть местечко и для меня? Я серьезно тебя спрашиваю.

Она задумалась, но ненадолго.

– Я не знаю, что тебе ответить, ведь даже я в это не могу поверить. За последнее время я ни разу не подумала о Стиве, ни о родителях, ни даже о моем будущем ребенке. Я все время думаю только о тебе, милый. И я не вру.

– Тогда все хорошо, дорогая. Я тоже тебя люблю. – Том сам удивился тому, что сказал, но ничего исправлять не стал. Лежа на спине, ему было так хорошо, как никогда. Это была самая особенная ночь в его жизни.

ЧАСТЬ 2. Побег

Глава 1. План

Проснувшись назавтра, оба сразу же обнялись, а потом вышли на солнце. Все было как всегда, и охранник сидел на своем обычном месте.

– Лиза, мне не терпится начать наш второй этап, я так доволен первым.

– Я тоже довольна, – улыбнулась она. – Прошел месяц, Вилл, мы потратили много нервов, но сейчас все совсем по-другому. Даже более того. У меня есть предложение. Мы можем начать говорить о побеге. Но прежде, нам надо услышать, кто и что об этом думает. Я заметила, что по образу мышления мы немного разные, а может и очень разные, но это чудесно. Не зря говорят, что две головы всегда лучше.

– Да, конечно дорогая. Тогда кто начнет? Может, зайдем в вигвам и оставим треугольник для света?

– Пошли. Давай ты начнешь, – улыбнулась она, – ведь ты много раз обходил поселок. И вообще, насчет планов, как мне кажется, мужской ум не заменим. А я потом тоже все скажу, как я вижу и что я думаю. И после этого, мы сможем перейти уже к чему-то конкретному. А сейчас выговоримся, но только, в общем. Как тебе?

– Я не против, только надо настроиться, вернее, отделить конкретное от общего. – Том задумался, – а вообще-то я начну говорить все, стараясь не вникать детали. Просто выскажусь, а потом я очень хочу выслушать тебя тоже.

– Давай, начинай, – Эли уселась в вигваме на подстилку и пододвинулась поближе, – говори все, что тебе придет на ум.

– Ну, во-первых, мне кажется, что способ сбежать, это самое легкое в плане. Мы не связаны, да и охрана к нам уже привыкла, ведь ведем мы себя нормально, и никаких поводов беспокоиться не давали. И хоть наш охранник всегда при нас, он только один, и, в конце концов, связать его, затащить в вигвам и сунуть кляп в рот, с этим справлюсь и я один. – Он мельком глянул на девушку и продолжил. – Хуже всего это джунгли. Бесспорно, нам надо добыть два мачете, ведь без них даже не стоит, и пытаться бежать. Но и с мачете мы пройдем немного. Кстати, нам нужна будет фора во времени, а таковую можно иметь только ночью. Надо не забывать, что это племя охотников, и они наверняка знают ближайшую территорию джунглей не хуже, чем я знаю свою квартиру. Обходя поселок по краю, я заметил очень много тропинок, ведущих в джунгли, и предполагаю, что именно по ним они и расходятся, чтобы проверять свои капканы или ловушки. Но, я представил не только их, а и животных, на которых они охотятся. Тем легче передвигаться по тропинкам, чем прорываться через плотные колючие кусты или путаться в лиа-

нах. Там, у болота, я уже попробовал проникнуть в джунгли и знаю, что это такое. Поэтому, мне кажется, что в большинстве случаев охотники ставят свои ловушки, или выкапывают ямы именно на этих тропинках. А нам бы они оченьгодились. Если сбегать, то сразу же после ужина, естественно с едой и водой. Тогда у нас будет около восьми часов фoры по времени. Нас хватятся утром, а наша задача уйти как можно дальше. Тропинки ведут во все стороны, и если ты меня спросишь, в какую из них нам бежать, сейчас я тебе ничего не отвечу. Я даже не представляю, где мы находимся, и что нас окружает. А самое трудное, на мой взгляд, это даже не оторваться от охотников, а выжить потом в джунглях. От цивилизации нас отделяет, может тысяча километров, и я не представляю, как их пройти, когда кончится еда. Для меня это самое трудное. Но у меня есть еще две мысли, только мне нужен твой ответ. Ты помнишь ту карту? Мы могли бы как-то найти ваш путь досюда, и возвратиться именно тем же путем, каким вы пришли.

– Карта у вождя, – сказала Эли. – Может я что-то, и вспомню, но прошло уже пять лет, не забывай об этом. Моя память прилично стерлась, да и наш путь наверняка уже зарос опять. Так что не знаю, пригодится ли она вообще, если даже нам удастся каким-то образом выкрасть ее у вождя, что будет крайне нелегко.

– Тогда второй вопрос, – вздохнул Том, – река. В каком направлении она течет? Приблизительно по вашему пути сю-

да, или наоборот, возвращаясь обратно?

– Трудно ответить, – задумалась Эли, – я только помню, откуда нас примерно привели в этот поселок. Река же, вернее путь к ней, наискосок. Как разобраться, куда она течет? Мне кажется, но не более того, что все же ее течение по ходу нашей экспедиции, а не против. Только ничего гарантировать я не могу.

– Ну и ладно. Мне еще предстоит обязательно увидеть эту реку, то есть дожждаться банного дня. Кстати, а почему они не ловят рыбу?

– Ловят, только изредка. Тебя это просто еще не коснулось. Мне кажется, что ближе к вечеру охотники уже представляют, сколько добычи они принесут за день. Иногда, хотя и редко, наверное, ее не хватает, тогда на одном шесте появляется рыба, и довольно много.

– Значит, они все-таки ловят ее? Но это меняет дело. Я не думаю, что они босыми ногами вступают в реку и копьями пронзают проплывающую рыбу. Река опасна и пираньями, и крокодилами, и всякой другой тварью. Значит, у них должно быть что-то типа каноэ, или какой-то плот. В общем, какое-то плавающее средство. И, если мы будем удирать на нем, то по реке это гораздо быстрее, чем сквозь джунгли. Только если ты права в смысле течения, нас может понести еще глубже в дебри Амазонки. Может даже в сторону ее перуанской части, а кто может знать, что нас там ждет? Это надо обдумать. Что еще добавить? – задумался он. –

В день, когда мы совершим побег, должна быть яркая Луна, ведь ни фонариков, ни огня у нас с собой не будет. И последнее. У меня такое предчувствие, что нам не надо ждать еще трех месяцев. Время идет и часто не в нашу пользу. Во-первых, чем больше будет развиваться плод у тебя в животе, тем тебе будет труднее идти, а мы не знаем, на сколько месяцев это все затянется. И, во-вторых, я почему-то боюсь шамана, вернее, у него в голове могут возникнуть еще какие-нибудь бредовые идеи, типа экспериментов, и чем они закончатся, это не предсказуемо. Надо рвать отсюда как можно быстрее, хотя и не в спешке. Второго шанса у нас не будет. Вот, наверное, сейчас все. – Том вздохнул и посмотрел на Эли. Девушка была очень задумчива, казалось, что она смотрела на землю, но ничего перед собой не видела.

– Да, – вдруг очнулась она, – ты прав. Если не во всем, то во многом. Теперь моя очередь?

Том улыбнулся и просто кивнул.

– Наверное, ход моих мыслей тебя поразит, но почему-то они не дают мне покоя. С твоей схемой побега из поселка я полностью согласна. Только сейчас держись крепче, я понесу какую-то чушь. – Она бросила взгляд на Тома и продолжила. – В какую сторону нам бежать, это один из главных вопросов. Но здесь я продолжу разговор о нашей экспедиции и вернусь на сто лет назад, может меньше. Тот миссионер составил карту, и даже нарисовал ее на шкуре животного. Представь себя на его месте. Ты в джунглях. Откуда

у тебя может быть выделанная шкура какого-то животного? Да, чернила и ручка у тебя могут быть, и бумага тоже. Идя, вернее продвигаясь в джунгли, ты мог бы рисовать свой путь на бумаге, что бы потом так же вернуться тем же путем. Наверное, он заходил в разные племена, ведь есть что-то надо было. Наконец, каким-то образом он нашел то место, может остатки какого храма или часовни. В какой-то момент у него появилась та шкура неизвестно откуда, и он нарисовал карту. Но текст на ее обратной стороне был написан позже, это установила экспертиза. И почему на каком-то неизвестном языке? Я предполагаю вот что. Недалеко от того места, указанного на карте, было или есть какое-то племя, и он жил в нем. Оттуда и шкура. И племя разговаривало именно на том языке, на котором и был написан текст, а значит он жил в племени долго, так как выучил их язык. И довольно свободно, раз мог уделять время той находке, которую сделал или до того, как попасть в племя, или после. И написал он тот текст именно на неизвестном языке только по одной причине, чтобы только какие-то светила науки смогли его прочитать, а не первый встречный. Значит, он нашел что-то действительно стоящее, может и золото тоже, но если бы его текст был доступен первому попавшемуся, сюда бы уже давно полезли охотники за удачей. Он не был дураком. Но самым интересным вопросом, для меня остается один: каким образом эта карта вернулась из джунглей? Тут есть немного вариантов. Или он сам вернулся вместе с картой, а по-

том умер или исчез. Или каким-то образом она приплыла по рекам, но я не думаю, что у него под рукой была бутылка с пробкой. Хотя неизвестно, что он там нашел среди развалин. Я не верю, что карта передавалась из одного племени в другое, пока не достигла районов цивилизации. Кому из племен это нужно и зачем? Вот, в принципе и все.

Том слушал очень внимательно, и рассказ Эли его действительно удивил.

– Но какое это имеет значение с планом побега? – так и не понял он.

– Я так и знала, что ты не схватишь суть, хотя у меня больше предчувствий, чем доводов, и я тебя понимаю. Первое: до того места нам оставалось около пятидесяти километров, а это не сотни, которые нам придется преодолеть после побега по твоему плану. Если мы достигнем того места на карте, а по воде это несколько дней, хотя через джунгли тоже не так долго, максимум неделя, и мы попадем на место этого миссионера. И если я в чем-то или во многом права, недалеко должно жить какое-то племя. Если они его приняли, и он долго у них жил, значит, могут принять и нас точно также. Хотя много воды утекло с того времени, и многое могло измениться. Но главное даже не в этом. Если племя осталось, то от старожилков можно многое узнать о том миссионере и его судьбе, или хотя бы что-то. Явление белого человека в джунглях это большое событие для племени, которое никогда не видело белокожих. Какие-то сведения долж-

ны остаться. А нам нужно будет лишь одно: узнать каким способом сам миссионер или его карта вернулись в цивилизованный мир. Вернее, каким путем. Может оттуда есть совсем короткий и безопасный путь? И мы можем даже остаться там на некоторое время, чтобы набраться сил. И еды, кстати тоже. Помнишь, что сказал насчет тебя вождь этого племени? Что он отпустит тебя, и даст с собой воды и мяса. Почему другое племя не может быть таким же, или более миролюбивым? Тем более, что они уже имели опыт встречи с белым человеком, а миссионеры оставляют в основном хороший след, ведь они умны и благожелательны, и никогда не приходят с оружием. Вот и все, что крутилось в моей голове. А теперь можно перейти к обсуждению. – Она явно выдохлась.

– Да, – задумчиво сказал вслух Том, – это вообще другая цепочка мыслей. Даже интересно, хотя много *но* и *если*. Если мои мысли рвались напрямик к возврату в цивилизацию, то твои начинаются с углубления в джунгли, то есть совсем в обратном направлении. А может тебя, просто интересуют те развалины? – неожиданно повернулся он к ней. – Скажи честно, ведь я тебя пойму.

– Честно, Вилл? Если мы примем мою версию за план для спасения, и достигнем последней точки на карте, то мне будет интересно посетить и развалины. Только поверь мне, что мой интерес будет второстепенным. Разве можно променять интерес на свою жизнь?

– Кое-кто это делал и делает. Случаев не мало. – Он пожал плечами.

– Но это – не мой случай. К тому же не забывай, я рискую как минимум двумя жизнями: моей и нашего будущего ребенка. И твоей тоже. Три жизни взамен какого-то интереса? Нет, дорогой, я бы на такое никогда не согласилась. Можешь отбросить твои сомнения и даже утопить их в болоте.

Последовала долгая пауза, и оба о чем-то размышляли.

– Черт! – улыбнулся, наконец, Том. – Интересная ситуация. Есть два плана абсолютно в разные концы. И пока мы не остановимся на каком-то одном, нет смысла углубляться в детали. Честно говоря, на первый взгляд, мой план мне кажется естественнее, а твой – интереснее. Я сейчас нахожусь просто в каком-то тупике. Единственное, что я чувствую, что река стала для меня чем-то ближе. Естественно, если плыть по реке на каноэ или каком-то плоту, то путь будет быстрее, легче и безопасней. К тому же тропа к реке не имеет никаких капканов или других охотничьих подвохов, ведь туда ходят часто. Ты не могла бы мне рассказать побольше о том участке реки, куда сбрасывают людей, и о другом, где люди моются? Конечно, я постараюсь увидеть их собственными глазами, но....

– Конечно. Представь себе, что ты стоишь на берегу реки на открытом месте, шириной около двадцати метров. Перед тобой гладкая вода, но течение заметно, оно сильнее обычного. Поверни голову направо, и ты увидишь, как река пе-

нится, ударяясь о глыбы торчащих камней, то есть начинаются пороги. По волнам, ты сразу поймешь, что там просто страшно. Течение усиливается, много водоворотов, камней и уклон реки вниз. Даже страшно подумать, что было бы с человеком, если бы он туда попал. Даже не пираньи, а просто эти пороги сделают из человека месиво, и уже на первых этапах. Выжить невозможно. С того места, куда бросали тогда мужчин из нашей экспедиции, до начала порогов, учитывая течение, есть только несколько секунд, и за это время надо не только выплыть, а и понять, куда грести, чтобы не попасть на камни. Это невозможно ни при каких раскладах. Я видела, как они всплывали, но уже или на уровне первых камней, или же ударившись о те же камни. Я видела кровь. Боже, это действительно страшная смерть, и я стояла на ее пороге. – Она отвернулась, но заговорила опять. – Ладно, если ты смог представить эту картинку, представь и другую, в ней нет ни страха, ни крови. От поселка к реке идет широкая, хорошо вытоптанная тропа. Но метров за двадцать или тридцать, когда уже слышен шум реки, она расстраивается на три тропинки. Та, что продолжает тропу, ведет к смерти, вернее к тому месту, которое я тебе уже описала. Налево, идет тропинка к месту для купания. Представь его. Чистый, или расчищенный в джунглях берег, примерно той же ширины, что и другой, с немного пологим берегом и тихим течением, напоминает заводь. Там хорошо и уютно, а в воде тебя не сносит, вернее, течение ты чувствуешь, но совсем ти-

хое. С мужчинами, и даже с женщинами, всегда есть группа воинов. Они заходят в воду и внимательно в нее вглядываются. Если им что-то не нравится, они сразу же дают знак, и все вылезает на берег. Я была там только раз, после рождения дочки, мне сделали одно единственное исключение, а потом запретили это удовольствие. К тому же мое присутствие не нравилось остальным женщинам, и они, скорее всего это высказались, там же на берегу, или потом в поселке. Вот и все. Купание для меня закончилось.

– А третья тропинка? – не выдержал Том.

– Ах, да. Третья вела направо, в сторону порогов. Я никогда по ней не ходила.

– Но у тебя же есть мысли, куда она могла бы везти?

– Да, милый. Я останавливаюсь на том, что она ведет к месту рыбалки. Этому предшествует цепочка рассуждений. Наша экспедиция долго шла к этому месту, где нас взяли, мы переходили или переплывали много рек, речушек и ручейков. Только нам ни разу не попались речные пороги. Насколько я понимаю, это – редкость в джунглях. Но дело не в этом. Те пороги, куда могла вести эта загадочная тропинка, где-то заканчивались, и мне кажется, что не так уж и далеко. А теперь представь, что через эти пороги проходит и та же самая рыба, и другие плавающие животные или живности. Может многие из них как-то и выживают, но трудно представить, что им это удастся без каких-либо ранений, а значит, после порогов они попадают опять в чистую спо-

койную воду хоть немного, но окровавленные. А многие, наверное, мертвыми. Мне кажется что там, где кончаются пороги, их должны ожидать и крокодилы, и пирании, и многие другие рыбы и животные. Просто идеальное место для рыбалки с копиями. И еще одно. Когда добычи охотников не хватает, те, кто отправляются на рыбалку, за два часа приносят такой улов, что он еле помещается на вторую жердь. Где за такой короткий промежуток можно столько набить рыбы? Это должно быть необычным местом.

– Тогда почему же они ходят на рыбалку только в крайних случаях?

– Все просто. Они не любят рыбу. Только мясо. Да, они едят ее, но без всякого удовольствия. Вот и вся причина.

– Значит, то предполагаемое место после порогов кишит, чем только можно. – Задумчиво произнес Том. – И босиком они там, в воду не полезут, это безумство. Должен быть или плот, или каноэ. Хотя что-то плавающее. Да, цепочка твоих рассуждений имеет смысл, но это надо проверить. И сделать это смогу только я, быстрее бы настал банный день.

– Он настанет, – шепнула Эли, – вот-вот настанет, ведь прошел месяц.

– Ладно. Тогда я подумаю и подготовлюсь. И ты знаешь, если там действительно есть что-то на плаву, я, наверное, буду за твой план. Проплыть пятьдесят километров по реке, это не пятьсот километров пешком, пробираясь через джунгли. Естественно я не знаю, что будет там, потом, если

мы достигнем последней точки на карте. Но это – возможная передышка, и никакой за нами погони из этого племени. Остается рассчитывать на всевышнего, чтобы нам не попалось какое-то другое кровожадное племя. Хотя без племен нам все равно не выбраться, ведь есть что-то надо, а охотника не получится не из меня, не из тебя, и без огня даже охота не имеет смысла, я не смогу есть сырое мясо. Конечно, будут фрукты, но насколько мы с ними протянем? Ты умеешь взбираться на пальму?

– Нет. – Улыбнулась она. – Никогда не пробовала.

– Я тоже. Значит, остановимся на твоём плане, хотя бы на время. Лиза, я поражаюсь, как ты могла до этого додуматься!

– Я сама не знаю. Просто это сидело у меня в голове, а потом стало как-то понемногу складываться. Вот я и высказала.

– Чити! – вдруг послышался голос извне, и оба узнали охранника. – Тот просил или приказывал ему выйти, сказав, что мужчины идут купаться.

– Боже, – перекрестилась Эли, – мы ведь только об этом говорили. Но ты же еще ничего не обдумал?

– По дороге подумаю, – сказал он и, поднявшись, направился к выходу.

Глава 2. Важные детали

Охранник стоял недалеко от входа и ждал. Увидев Тома, он показал куда-то копьём, и тронулся первым. Они шли по просеке и уже прошли поворот, когда Том увидел небольшую группу мужчин. Это были старики, и то не все. Значит, с охотниками и с воинами ему было не место. – Ладно, – подумал он. – Может это и к лучшему.

Встретили его безрадостно, но равнодушно. Уже это ему понравилось. С ними было еще три охранника, вернее, воина. Всем составом группа направилась прямо к ближайшим джунглям, и в одном месте он заметил небольшую тропинку, уходящую вовнутрь. – Странно, – подумал он, как я ее не заметил, когда обходил территорию, в поисках того растения? Хотя, он тогда смотрел себе под ноги, а значит, просто был невнимателен, или его голова была занята другими мыслями.

Тропинка неожиданно расширилась и превратилась в хорошо утоптанную тропу, позволяя двигаться парами. Двое воинов шли впереди всех, а двое других замыкали группу, прямо за его спиной. Он шел последним и в одиночестве. Том не знал, как далеко надо было идти, но присутствие за спиной воинов совершенно не оставляло ему никаких шансов свернуть на развилке направо. Это было бы непротитительной глупостью. Старики двигались медленно, и то,

что их было немного, говорило, что остальные просто бы не выдержали такого пути, видимо они были очень старыми и дряхлыми.

Приблизительно через час показалась именно та развилка, о которой совсем недавно рассказала ему Эли, и группа свернула налево. Том просто кинул взгляд на таинственную правую тропинку, но кроме джунглей ничего не увидел. Как и все он покорно свернул налево. Они быстро вышли к реке, и Том удивился, как точно описала это место Эли. Река была не узкой, и не широкой. Метров двадцать или чуть больше. Все остановились на берегу. В этом месте действительно было что-то похожее на заводь. Сначала в воду зашли все четыре воина, по парам, оставив между ними кусок реки для группы. Старики заходили в воду, не снимая поясов, но каждый сначала нагибался и что-то брал в руку. Дошла очередь и до него. Он тоже нагнулся, и черпанул рукой какую-то кашицу, похожую на глину. Она была светло-рыжего цвета, и водянистей, чем обычная глина. Вода была теплой, и течение еле чувствовалось. Все, кроме воинов, сначала слегка окунулись, держа глину в руке над головой, а потом, подойдя ближе к берегу на мелкоте, стали обмазываться глиной. Том в точности повторял то, что делали они, но краем глаза наблюдал и за поведением воинов. Люди их не волновали, они действительно застыли, вглядываясь в воду, и вели себя как отрешенные, выполняя поставленную перед ними задачу. Ему нравилось, что он слышал и понимал все разгово-

ры между стариками, но в них не было ничего интересного. Купание затянулось на полчаса, некоторые уже брели и выходили на берег, как вдруг один из воинов, стоящий в паре с другим дальше всех, неожиданно заорал. Именно заорал, а не закричал. Том бросил взгляд в его сторону и испугался, ему показалось пятно крови прямо на воде у ноги этого воина. Второй крикнул два слова, которые означали крокодил и на берег, и бросился помогать своему напарнику. Началась давка. Двое других воинов по воде спешили к своему товарищу, но сталкивались со стариками, которые в ужасе пытались побыстрее выбраться на берег. И даже уже на берегу некоторые не остановились, а пытались бежать по тропинке обратно. Том оценил ситуацию: лучшего шанса придумать было нельзя, и он мгновенно выбравшись на берег, бросился по тропинке, обогнав пару старых обезьян. Он летел как на крыльях и быстро достиг развилки. Естественно, он не остановился, а уже бежал по той незнакомой тропинке, не обращая внимания, как некоторые выступающие кусты больно цепляли его кожу. Тропинка казалось ему бесконечной, но вдруг за очередным кустом перед ним открылась река. Первое, на что он бросил взгляд, было что-то наподобие плота, то есть бревна и просто жерди связанные между собой лианами. Он находился наполовину в воде, а другая лежала на берегу, но толстая и длинная лиана, привязанная одним концом к плоту, а другим к ближайшему дереву, была надежной подстраховкой. Окинув эту часть реки еще раз,

он бросился обратно. Его сердце готово было выпрыгнуть, а руки болели из-за царапин, но наконец, он вылетел на перекресток и, столкнувшись с кем-то, повалился на землю. Тут же подбежал один из воинов, помогая подняться одному из стариков, с кем столкнулся Том. После этого, показались еще двое воинов, они несли на руках того беднягу, которого укусил крокодил. Он был без ноги, вернее без ее нижней части, и хоть к ране и был примотан какой-то лист, за ними тянулся кровавый след. Цепочка растянулась, все шли назад. К счастью, в этой ситуации никому не было дела до царапин на теле Тома, а его отсутствие никто не заметил. Но в поселке их уже ждали, каким-то образом весть донеслась туда сразу же, как случился инцидент, им навстречу уже шла группа охотников. Том заметил эту деталь и задумался. – Видимо, кто-то из охотников нес еще и обязанности разведчика, или что-то в этом роде. Именно один из таких и обнаружил тогда крокодила в петле, а потом привел за собой остальных.

Эли с нетерпением ждала его. Увидев царапины, она направилась к их новому охраннику, но Том ее остановил.

– Лиза, пусть никто их не увидит. Нам не нужны проблемы.

Потом он ей все рассказал, все, что случилось, и она вдруг облегченно вздохнула.

– Дорогая, на этот момент я принимаю твой план без всяких сомнений. Плот есть, и я знаю где. – Том еще тяжело дышал. – Он очень примитивен, но двоих точно выдержит.

Можно переходить к деталям.

– Сначала сходи на обед, – задумчиво напомнила она, – и отдохни. А потом будем думать дальше. И спасибо за доверие.

У кострища на земле лежало много фруктов, но людей почти не было. Слух о происшедшем собрал их в одну кучу там, за поворотом. Но ему было безразлично, хотя картина человека с откушенной ногой еще стояла в его глазах. В чем-то это племя было мужественным. То есть как охотники, так и воины честно и мужественно выполняли свою работу.

Пообедав, он прилег на свою постилку в вигваме и быстро заснул.

Его разбудила девушка только тогда, когда настало время ужина. Весь конец дня они провели просто в разговорах, не касаясь ни планов, ни их деталей. А спать легли по разным сторонам вигвама.

Естественно, Том проснулся рано и, стараясь не разбудить Эли, выбрался из вигвама. Но все же он ее разбудил. Обняться после сна уже вошло у них в привычку, и, умывшись и приведя себя в порядок, оба сидели на траве у входа в вигвам.

– Дорогая, план есть, он согласован и принят. – Сразу же начал он. – Можно переходить к деталям, но пока к самым важным. Нам нужны два мачете и карта. Потом поговорим о еде и воде. Как нам достать два мачете? А карту? Ума не приложу.

– Я тоже, – призналась та. – Мачете есть только у охотников. Не знаю, оставил ли себе вождь хоть одно из них. Карта или у вождя, или у шамана. Пропажа мачете поднимет полный переполох в племени, и подозрения сразу же лягут на нас. А вот насчет карты я так не думаю. Никто не будет изучать ее пять лет каждый день без исключения. Она лежит, скорее всего, заброшенная и покрытая пылью.

– Тогда, следуя логике, надо придумать что-то из рук выходящее, и заняться картой. Кстати, она нам нужна только, чтобы обоим на нее посмотреть один раз и запомнить. Я не думаю, что....

– Нет, дорогой. По плану она нужна нам с собой. Карта, это как вещественное доказательство, или поручительное письмо того миссионера. Она должна оказать нам добрую и важную услугу. Разве не так?

– Опять ты права, – Том улыбнулся. – Что бы я делал без тебя, милая?

– А я без тебя?

Они обнялись, и сразу же задумались опять, и было над чем.

Прошли две недели, но ничего на ум не приходило. Да, они знали, что мачете есть только у охотников, и в каких хижинах те спят. Они пришли к единому мнению, что те естественно не спят с мачете в руках или за поясом, а складывают их, а утром, отправляясь на охоту, берут их с собой. Кроме кражи, на ум ничего не приходило. С картой было то же

самое. Они даже не знали, находится ли она у вождя, или у шамана. Все это начало бесить Тома, и в один день он сорвался.

– Лиза, я не могу сидеть без дела. Я думал, что план – это самое главное, но теперь я чувствую себя как последний дурак. Хоть иди и воруй ночью их мачете, а потом заодно и обчисти хижину вождя, а может и шамана. Как такие две умные головы, какие есть у нас, заклинило и, причем серьезно? Меня иногда начинает трясти от бессилия.

– Я тоже долго засыпаю, – грустно призналась та. – Но мы оба знаем, что вот так пойти и украсть, это явное безрассудство. Я ничего не могу добавить, милый.

Еще через неделю Том вдруг спросил:

– А что если ты пойдешь прямо к вождю, и пожалуешься на меня, что у нас много времени, и я не перестаю приставать к тебе с вопросом, куда ты шла с остальными мужчинами? Скажи, что у вашего главного была какая-то карта, но ты ее никогда не видела. Сошлись на простое любопытство, мол, нет, так нет, просто я тебя уже забодал этим вопросом, и не верю, что ты могла не знать, куда идешь. Может это и не идеальная мысль, но вождь прост, почему бы не попробовать? Можем пойти вместе и разыграть спектакль, что я на тебя невероятно зол и не доверяю ни единому твоему слову? Я сам сыграю это, и сам наговорю кучу чего. Мне просто ничего лучшего так и не приходит в голову.

– Но если мы заикнемся о карте, а потом задумаемся, как

ее похитить, то даже дурак поймет, кто это сделал. – Она задумалась. – Шанс, конечно, есть, но если сорвется, то карта станет еще недостижимее.

– Может нам повезет, и мы хоть пойдем, находится ли она у вождя или нет. – Том тяжело вздохнул. – Я тебя понимаю. Время уходит, и если мы так и будем тянуть, то.... Милая, я просто устал от бессилия. – Грустно закончил он. – А о мажете у меня вообще нет слов, нам ничего не остается, как выкрасть их поздно вечером прямо перед побегом. Другого варианта нет даже на горизонте.

Эли не ответила, только к ночи она вдруг согласилась. Видимо безысходность душила ее не меньше.

– Вилл, только спектакль должен получиться, более чем натурален. Давай-ка попробуем, – предложила она.

В течение двух часов они репетировали, а потом только улеглись спать.

Назавтра, ближе к полудню, они послали к вождю одного из охранников с просьбой принять их, и тот вернулся с положительным ответом. Пока они шли, Тому удалось лишь узнать, что вождь один, но и этого было достаточно. Они оба нервничали, но старались держать себя в руках.

Вождь был немного удивлен их визитом. Весь удар Том решил взять на себя, а Эли лишь печально смотрела в пол.

– Великий вождь! – Начал он с почтением в голосе, и, естественно на местном языке. – Прийти к вам было моей инициативой, извините нас за беспокойство. Но эта женщи-

на стала мне противна, а она носит моего ребенка. Я даже думал попросить вас отселить ее от меня, настолько она мне противна. – Голос Тома начал накаляться, а у Эли появились на глазах слезы. – Я подумал, что если вы с вашим умом и дальновидностью не решите наш вопрос, то его не решит никто на этом свете. – Он замолчал и еще раз поклонился.

– А в чем вопрос? – удивленно спросил тот, подавшись немного вперед. – И почему ваша женщина плачет?

– Я очень попрошу вас поставить себя на мое место. – Том все больше входил в роль, и в его голосе звучала неподдельная искренность. – Разве можно жить с женщиной, которая врет мужчине? Пусть мы с ней с виду одинаковы, но я же мужчина, а она женщина. – Он гневно посмотрел в ее сторону.

– Врет? – удивился вождь. – В чем?

– Мы живем с ней в одном жилище, и, естественно я хотел бы знать самый простой вопрос. Как она вообще сюда попала? Разве это что-то плохое, что я об этом спрашиваю?

– Нет, – вождь так и не понимал смысл беседы. – Я сам могу рассказать, как ее и остальных мужчин привели в мое племя.

– Вопрос в другом. Я спрашивал ее и не раз, как она вообще попала в эти места? Куда они все шли и зачем? И знаете, что она мне всегда врет? Что не знает, зачем и куда они шли. Что была какая-то карта у их вождя, но она ее не видела и вообще ничего не знала. Разве в это можно поверить?! – Он

расходился и не на шутку. – Как этого можно было не знать? И причем здесь какая-то выдуманная карта? Вы бы лично поверили, если бы были на моем месте? Она врет, от начала и до конца. Нельзя не знать, куда шли все ее люди, и зачем. А про карту можно просто придумать. Я ей не верю, она хуже самой облезлой птицы, она как червяк, она....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.